

КУДА ВЕДУТ СЛЕДЫ

БИБЛИОТЕЧКА
«НА СТРАЖЕ
ЗАКОНА»

БИБЛИОТЕЧКА «НА СТРАЖЕ ЗАКОНА»

КУДА ВЕДУТ СЛЕДЫ

ЛЕНИЗДАТ-1988

Составители библиотечки: В. А. Беляков, М. Е. Скрыбин

Редактор Ю. К. Хрящев

Уважаемые читатели!

Издательство «Лениздат» и оргкомитет Ленинградского регионального общественного совета культуры, науки и права в целях изучения общественного мнения по освещаемым в сборниках библиотечки «На страже закона» вопросам ждут ваших писем по адресам: 191023, Ленинград, наб. р. Фонтанки, 59, Лениздат, и 192187, Ленинград, ул. Воинова, 18, оргкомитет Ленинградского регионального совета.

Ваши советы и пожелания будут учитываться при подготовке последующих сборников,

К $\frac{1203150000-295}{M171(03)-88}$ 93—88

ISBN 5-289-00084-4

© Лениздат, 1988

ОПЫТУ — ВНИМАНИЕ: ДИАЛОГ С ЧИТАТЕЛЕМ

Читатели включились в откровенный разговор о проблемах дальнейшего укрепления законности и нравственности, которые поднимаются в сборниках библиотечки «На страже закона». В нем участвуют не только ленинградцы, но и жители других регионов. Ведь брошюры (их выпущено уже 19 общим тиражом около 2,5 млн. экз.) пользуются неизменным успехом у читателей.

В письмах и устных обращениях — критические замечания, предложения. Читатели просят подробнее рассказать о региональном совете, сами хотят включиться в его работу. Из нарастающего потока писем и обращений мы выберем наиболее типичные и выскажемся по ним в форме свободного диалога, без претензий на «истину в последней инстанции».

Многие ленинградцы обращаются в оргкомитет регионального совета со своими бедами, вопросами. Одни усматривают незаконность в тех или иных действиях, решениях должностных лиц, другие видят нарушения норм социальной справедливости в жизни своего трудового коллектива, а третьи приходят просто поделиться сомнениями, мыслями. Вспоминаю встречу с гражданином В. Сначала он рассказывал о своих мытарствах при обмене жилплощади и без особого интереса выслушал мои советы. Чувствовалось, что не этот вопрос его волновал, что его привело к нам совсем другое.

Так оно и оказалось. Вот о чем поведал мне посетитель. Однажды, возвращаясь вечером домой по одной из тихих ленинградских улочек, он увидел, как на тротуаре двое великовозрастных подростков избивали пожилого мужчину, который безуспешно пытался защититься от их ударов. Его беспомощность лишь подогревала озверевших юнцов, они свалили его и ожесточенно били ногами, обутыми в модные туфли. Все это происходило в тягостной тишине. Старик не кричал, а только тихо стонал, видимо не надеясь на помощь, или уже не мог кричать. Редкие прохожие, увидев происходящее, быстрым шагом переходили на другую сторону улицы, а отойдя подальше, оглядывались и уходили. «Что делают, что делают, гады», — негромко возмущалась

стоявшая в отдалении женщина — и тоже ушла... Прошел тогда мимо и мой собеседник. Дома он не рассказывал об этом случае ни жене, ни сыну — неловко было выглядеть перед ними трусом, не решившимся помочь человеку. Он старался забыть о происшедшем, но не мог. Не позволяла совесть. А в последнее время все чаще стал думать: как же он, порядочный, уважаемый в семье и на работе человек, мог тогда смалодушничать?

— Вы не подумайте, что я тогда испугался,— говорил он мне.— И силы хватило бы: токарный станок слабых не любит. А попробуй свяжись с такими подонками — потом и тебя могут обвинить, поди доказывай, что ты прав. Но все равно не думать об этом не могу. До сих пор камень на душе. Прямо не знаю, как быть...

Но ничего утешительного он от меня не услышал: ведь прошлого не вернуть. Так и остался человек наедине со своей неспокойной совестью.

Действительно, жизнь непредсказуема. Каждый может неожиданно оказаться перед выбором: помочь попавшему в беду человеку или остаться равнодушным наблюдателем. Это — принципиально важный вопрос, и не только нравственный, но и правовой. Разобраться в нем глубже поможет читателям помещенная в этом сборнике юридическая консультация.

Заметно изменился за последнее время и характер направляемых нам писем. Прежде среди них было больше таких, в которых люди просили в основном о защите их прав, например оградить от хулиганов и пьяниц в коммунальных квартирах. В Ленинграде проблема обеспечения условий для полноценного отдыха и здорового жизненного уклада решена далеко не в каждой коммунальной квартире и требует внимания не только правоохранительных органов и Советов народных депутатов, но и широкой общественности, средств массовой информации. Мы намерены посвятить этой проблеме один из сборников, а также готовим в региональном совете научно-прикладную разработку, направленную на укрепление порядка по месту жительства. Предложения для этой разработки высказывают и читатели. Однако сейчас наряду с письмами о единичных нарушениях закона все чаще встречаются письма, в которых анализируются причины правонарушений. Это свидетельствует о высокой гражданской активности людей. Демократизация повышает требовательность граждан к себе, они стали непримиримее относиться к нарушителям закона и нравственности. Выше стал и уровень запросов читателей. Вот что пишет В. И. Егоров: «Интересные детективы мы смотрим и читаем с удовольствием. Но встречаются и такие, которые просто отнимают время у зрителя и читателя. Покажите серьезный, глубокий анализ, из которого можно было бы понять,

откуда берутся преступления и преступники, что делается в Ленинграде для профилактики преступлений».

Читатель П. из Петрозаводска спрашивает: «Прошло 70 лет, как у нас установилась Советская власть, но почему до сих пор мы не можем справиться с преступностью?» И далее он критикует позицию городских властей, сообщает, что в Петрозаводске много пьяных, а закон о борьбе с пьянством исполняется плохо. Письмо из далекого Хабаровска от Александра Кислицына: «Библиотечка „На страже закона“ помогает мне как дружиннику в укреплении правопорядка. Расскажите об опыте ДНД в Ленинграде». Ленинградец С. В. Филимонов пишет: «Я являюсь постоянным читателем ваших сборников, собираю из них библиотеку. Хотелось бы почитать в них о борьбе правоохранительных органов с наркоманией, а также самокритичные материалы о работе милиции, прокуратуры, судов. Как перестраивается их работа. И еще. Думаю, многие интересуются, какая работа ведется по перевоспитанию осужденных в местах отбывания ими наказания, какова результативность этой работы, частота совершения повторных преступлений. Может быть, в зонах и формируется организованная преступность? Пора обратить внимание на эту проблему. Волнуют также вопросы работы бассейновой инспекции, санитарной службы и др. с милицией и прокуратурой по охране природы, предупреждению заболеваний людей в нашем городе...»

Из приведенных писем видно, какой широкий круг проблем в настоящее время интересует читателей. Они просят вскрыть причины, порождающие негативные явления. А таких причин немало. Разве, например, бюрократизм, ведомственность, местничество, рутинерство не порождают питательную среду, в которой затем произрастают взяточничество, хищения, обман государства, посягательства на права и законные интересы граждан? Разве они не питают правовой и нравственный нигилизм, веру во всемогущество должностей и связей, разве не подрывают уверенность людей в равенстве всех перед законом? Протекционизм в кадровой политике, отступления от норм нравственности размывают социальную справедливость, принцип социализма «От каждого — по способностям, каждому — по труду».

Не всеми, к сожалению, осознается и чрезвычайная опасность такого явления, как своего рода «правовой технократизм», антигуманный по своей сути, как и технократические подходы в других сферах жизнедеятельности общества. Правовой технократизм порождает разрыв между правовой нормой и фактическим ее применением на практике. Он нередко бумажным туманом формализма заслоняет в правоприменительном процессе лицо конкретных живых людей; причем с обеих сторон: лицо служителя правосудия и лицо того человека, с кем он имеет дело.

Юрист, как и врач, постоянно должен помнить, что каждое его действие, решение отзывается на чьей-то судьбе. Но есть еще случаи, когда работники правоохранительных органов или иные лица, уполномоченные на применение норм права, допускают не только ошибки по незнанию, а умышленные нарушения закона. Это их беспринципностью культивируется вреднейшее явление, которое слишком уж мягко именуется «телефонным правом», хотя по существу представляет собою беззаконие. Не следует преувеличивать, но нельзя и недооценивать эту опасность. Ведь это самое настоящее «теневое право», хотя и действующее по-воровски, в тиши иных кабинетов или телефонными полунамеками, полууказаниями, но весьма влиятельное и разлагающее законность. Нелегальное положение «теневого права» несколько не ослабляет его опасности, а лишь оттачивает его коварные приемы.

Однако наше общество ныне располагает таким мощным оружием против искривления в применении правовых норм, как гласность. Необходимо во весь голос разоблачать тех, кто, понося честь правоохранительных органов, занимается злоупотреблениями и нарушает закон. Но крайне важно и другое: одного только гласного разоблачения мало. Надо обеспечить на практике неотвратимость привлечения к ответственности виновных в преступлении против правосудия, широко освещая принятые меры в печати, по телевидению и радио. В очищении своих рядов от оборотней кровно заинтересованы также и работники правоохранительных органов.

В принятом 2 апреля 1988 г. постановлении ЦК КПСС «О состоянии борьбы с преступностью в стране и дополнительных мерах по предупреждению правонарушений» указывается, что «герестройка всех сторон жизни нашего общества, радикальная экономическая реформа, последовательная демократизация и гласность органически связаны с укреплением социалистической дисциплины и законности и требуют решительного противодействия любым нарушениям советского правопорядка. В условиях перестройки трудящиеся справедливо высказывают свое возмущение фактами беззакония и бюрократизма, посягательства на народное достояние, на законные интересы трудовых коллективов, честь и достоинство личности. Все это требует поднять на качественно новую ступень борьбу с правонарушениями и преступностью...».

ЦК КПСС отмечает, что в ряде мест неоправданно ослаблено внимание к общественным формированиям, деятельность которых связана с вовлечением трудящихся в дело укрепления дисциплины и правопорядка, и предлагает активизировать работу всей системы органов общественной самодеятельности населения. В постановлении подчеркивается, что «во много раз возрастает ответственность трудовых коллективов, государственных и общественных органов за профилактику правонарушений и перевоспи-

тание тех, кто совершил противоправные действия». Правоохранительным органам рекомендовано принять меры к устранению недостатков в их деятельности, обратив особое внимание на организацию глубокой аналитической работы.

Ленинградская общественность при поддержке партийных органов создала региональный совет культуры, науки и права, объединяющий представителей правоохранительных органов, творческих организаций, научных учреждений, средств массовой информации и трудовых коллективов в целях сотрудничества в совместном выполнении задач, вытекающих из решений партии по вопросам укрепления дисциплины, законности и нравственности. Накоплен уже немалый практический опыт деятельности совета, принятый на вооружение и в других регионах страны: аналогичные советы действуют теперь в Иркутске, Литве. С полезной инициативой выступил юридический факультет Ленинградского университета, предложивший готовить, совместно с региональным советом, кадры криминологов для правоохранительных органов.

Сейчас в борьбе с преступностью отсутствует надлежащая организационно-методическая база для профилактической работы, вопреки тому, что именно профилактика бесспорно признается самым главным средством борьбы с преступностью. А в то же время штатными расписаниями ряда правоохранительных органов, включая прокуратуру, не предусмотрены не только структурные подразделения, но даже единичные должностные лица, в специальную обязанность которых входили бы координация и организация предупреждения преступлений. Совершенно ясно, что создание криминологической службы означало бы реальный шаг вперед в борьбе с преступностью. Именно поэтому инициатива ЛГУ и регионального совета — оказать прокуратуре Ленинграда практическую помощь в создании криминологического кабинета и налаживании его работы — была поддержана партийными органами.

Научно-прикладные разработки регионального совета включают и такое важное направление, как предупреждение правонарушений подростков. Так, одна из главных задач сектора «Спорт и право» — воспитание у подрастающего поколения доброты, человечности, благородства, изживание в школах и ПТУ противонравственных традиций «культы силы», от которого берут начало унижение достоинства, а то и рукоприкладство со стороны старшеклассников по отношению к физически слабым и младшим, «дедовщина» в армии. Отсюда же могут тянуться и корни жестокосердия, вплоть до насильственных преступлений подростков.

Вот что пишет дедушка 13-летней девочки. В школе одноклассники жестоко избили ее в раздевалке ногами. Затем догнали ее, уже едва передвигавшуюся, и снова били, а потом, как

ни в чем не бывало, пошли в класс — учиться. Чему же учиться? Если их не научили самому главному — человечности. И чему научат они своих будущих детей, эти девочки, издевавшиеся над беззащитным полуинвалидом: ведь у пострадавшей еще прежде был поврежден позвоночник?

За что же они так жестоко с ней расправились? Оказывается, эти четыре одноклассницы более двух лет травили ее за то, что она, по их выражению, «не такая, как все».

Соответствующие органы приняли меры по факту избияния, но разве можно поставить на этом точку? На запрос оргкомитета регионального совета нам ответили:

заведующий отделением детской больницы: «В последнее время к нам все чаще поступают пострадавшие от травм, причиненных девочками-подростками»;

член Ленгорсуда Т. В. Герасименко: «Да, увеличивается количество дел о преступлениях, совершаемых девушками-подростками, вплоть до убийств. Были даже два дела, когда эти преступления совершали девушки — учащиеся медицинских училищ. Например, они группой избивали одну из учащихся в туалете, а чтобы не испачкать руки кровью, «предусмотрительно» надели перчатки»;

начальник отдела по надзору за исполнением законов о несовершеннолетних прокуратуры Ленинграда С. П. Минина: «В городе участились преступные проявления среди девушек-подростков. Прокуратура принимает меры к анализу причин такого положения и предупреждению подобных преступлений».

Думаю, комментарий здесь не требуется, если даже сестры милосердия способны на жестокость.

Всякое промедление в борьбе за оздоровление климата в неблагополучных семьях, в школах и училищах — это сдача позиций в борьбе за наше будущее. Подростки вот-вот вступят хояевами во взрослую жизнь — какой же они ее построят? Да, мы уверены, что возьмет верх здоровое начало. Но его становлению надо активно помогать. Пусть таких, кто совершает или внутренне готов совершить преступление, жестокий поступок, — единицы. Но они — есть. Они наступательно активны. А самое опасное в том, что они оказывают влияние на остальных ребят. Они могут силой и угрозами склонить к своему образу мыслей и поведения неустойчивую часть детей и подростков. Об этой опасности предупреждает и родившаяся недавно песня «Белая ворона», в которой символически звучит победно-угрожающее карканье: «Если мы черны, будь и ты черна».

Эта проблема взаимосвязана в сложном узле с другими: наркоманией, токсикоманией, а теперь уже и проституцией девушек-подростков.

В очерках «Девочки с пригорка» и «Кто прогонит девочек с

пригорка» «Ленинградская правда» отмечает, что весь этот комплекс проблем усилиями одних лишь ведомств — прокуратуры, судов, милиции — решить невозможно, и предлагает, чтобы региональный совет взял на себя координацию и организацию всей этой работы, используя преимущества эффективного объединения сил.

Особенно много писем поступает по сборникам «Обжалованию не подлежит» и «По наклонной», где в диалогах с читателем поднимались проблемы повышения роли трудового коллектива и каждого трудящегося в управлении предприятием, борьбе с нарушениями закона и другими негативными явлениями. Авторы писем волнуют поднятые в сборниках вопросы. Читатели высказывают убежденность в том, что задачи, поставленные партией по дальнейшему укреплению законности, можно успешно решить лишь в том случае, если этой работой будут заниматься не только правоохранительные органы, но и широкая общественность — по-деловому, не формально. Должно видоизмениться и существо привычной формулы — правоохранительным органам следует опираться на трудовые коллективы. Ведь сейчас именно трудовой коллектив все больше утверждается хозяином всех сторон жизни, и поэтому он теперь не только помогает правоохранительным органам, но и сам опирается на правоохранительные и другие организации в борьбе с правонарушениями и прочими негативными явлениями.

Анализ читательских писем свидетельствует об изменении причин преследования за критику. Если прежде такими причинами были в основном какие-либо замечания, высказанные в адрес администрации, то теперь все чаще в основе конфликта бывает внесение конструктивных предложений, направленных на улучшение производственной деятельности и развитие научно-технического прогресса. Эти предложения администрация порою встречает в штыки, поскольку они влекут за собой, в случае их принятия, существенные изменения в организации производственного процесса и управления предприятием. А это, естественно, может задевать материальные или иные интересы отдельных лиц из руководства, которым невыгодны прогрессивные изменения, так как им удобнее жилось и работалось по старинке. О таких конфликтах нам сообщают читатели В. И. Егоров, В. П. Коновалов и многие другие, требующие усиления правовых гарантий, надежно ограждающих интересы новаторов. В связи с этим региональный совет совместно с Ленинградской организацией Союза научных и инженерных обществ СССР наметил ряд мероприятий, включая проведение в 1988 г. научно-практической конференции «Совершенствование правового обеспечения развития научно-технического прогресса».

И в заключение несколько слов о чести и достоинстве работ-

ников правоохранительных органов. Говорить об этом могу на основе опыта и личных наблюдений. Удостоверение следователя прокуратуры я получил в 1942 г., а удостоверение старшего помощника прокурора города сдал в декабре 1987 г. По первому в своей жизни делу привлек к ответственности человека, совершившего тяжкое преступление, а финал последнего дела — в октябре 1987 г. — неординарен. Поддерживая государственное обвинение, я убедился по материалам судебного следствия, что подсудимый, которому вменялось в вину совершение настолько тяжкого преступления, что мера наказания предусматривалась по статье Уголовного кодекса вплоть до смертной казни, невиновен. Поэтому я заявил суду, что отказываюсь от обвинения и прошу оправдать подсудимого. Суд вынес оправдательный приговор, а вышестоящая инстанция утвердила его, отклонив, как необоснованный, принесенный на этот приговор протест.

Даже в этом кратком изложении видна борьба мнений и позиций вокруг дела. А за этим делом была судьба человека... «Правовой технократизм» опасен прежде всего тем, что он обезличивает процесс правосудия. О человеке, который не способен самостоятельно мыслить, не имеет твердых принципов, народная мудрость говорит, что он потерял свое лицо. Классическое воплощение типа такого человека — это грибоедовский Молчалин. Потерявший лицо не имеет или прячет свое мнение, — ведь его придется отстаивать, а значит, надо включаться в определенную борьбу. А молчалиных больше устраивает уютное, бесконфликтное существование на уровне «винтика» какого-либо механизма, в том числе и правоохранительного. «Я что — человек маленький, — заявляет обычно молчалин, — как прикажут, так и сделаю».

Вот, пожалуй, самое страшное из того, что может случиться с человеком из наших органов. И — опасное для общества.

Когда мы, сотрудники правоохранительных органов, расстаемся со своей работой и наступает время подытожить жизнь, то сами попадаем на допрос. Нам задает вопросы наша совесть. Всегда ли ты был справедлив? Убежден ли ты в виновности каждого человека, которого просил осудить? И, если ты всегда, при любых обстоятельствах поступал в соответствии с законом и по справедливости, значит, ты достойно выполнил свой гражданский долг.

*В. А. Беляков,
председатель оргкомитета регионального совета,
советник юстиции*

ГРУППА “БЫСТРОГО РЕАГИРОВАНИЯ”

1

Весной 1982 года неожиданно исчез фотограф, работавший на одном из популярных исторических мемориалов Ленинграда. Попытки сослуживцев связаться с ним ни к чему не привели. Никто не снимал трубку ни дома, ни в квартире на Синопской набережной, арендованной Георгием Евгеньевичем Вербовым¹ под фотолабораторию.

Прошло несколько дней, но фотограф так и не объявился. Администрация тревожилась. Товарищи по работе вполголоса обсуждали причины исчезновения человека. Высказывались догадки одна другой невероятнее. Ретушер, хорошо знавшая Вербова, говорила, что тот в последние месяцы жаловался на усталость. Мечтал все бросить и уехать куда-нибудь к черту на кулички, на далекий лесной хутор. Другие не исключали возможности несчастного случая. Мало ли что может произойти в большом городе? Обзвонили больницы — безрезультатно. Скептики обосновывали версию ухода в большой загул. Но это плохо вязалось с правилами фотографа, человека обязательного и положительного.

Словом, предположения делались самые разные. Между тем время шло. Обратились в милицию. Сотрудники уголовного розыска побывали в помещении, арендованном Вербовым под фотолабораторию. И сразу поняли: произошло нечто серьезное.

Квартира на первом этаже длинного флигеля в одном из дворов Синопской набережной носила следы недавней

¹ Фамилии изменены.

схватки. Кроме того, там явно что-то искали. Мебель была сдвинута, линолеум местами сорван; ящики стеллажей и большого письменного стола опустошены. На полу валялись бумага, раздавленная фотопленка, кое-где виднелись пятна крови.

Собственно лаборатория занимала одну, меньшую из двух, комнату. Большая, современно обставленная, предназначалась для жилья. «С пола исчез ковер»,— обратил внимание Зинченко, сосед Вербова по лестничной площадке. Его да еще дворника пригласили в квартиру как понятых.

Работники уголовного розыска опросили живших поблизости. Николай Коршунов, грузчик из гастронома, рассказал, как в субботу 24 апреля он несколько раз звонил Вербову в фотолaborаторию по телефону. Дело в том, что Коршунов время от времени доставлял фотографу на дом кое-какие продукты из магазина: соки, овощные консервы, копченую колбасу. Вербова он знает девять лет. В свое время Коршунов, столяр по профессии, по просьбе Георгия Евгеньевича делал ему стеллажи. Те, что стоят в маленькой комнате. Вербов работой остался доволен и щедро тогда с ним расплатился. С тех пор они поддерживали отношения. Приносить фотографу продукты Николай предложил сам, зная, что Георгий Евгеньевич в долгу не останется.

Вот и 24 апреля, в ту субботу, с утра в их магазин завезли чешское пиво, и Коршунов купил для Вербова 12 бутылок. Но весь день никак не мог до него дозвониться. Вечером Коршунов зашел на Синопскую. Проходя двором, он увидел за шторами, закрывающими окна лаборатории, свет. Несколько раз позвонил в квартиру и постучал в окно, но никто ему не открыл.

Пожилая женщина, пенсионерка из соседнего флигеля, около 23 часов видела во дворе автофургон с надписью на борту «Техпомощь». Марки и тем более номера машины она, конечно, не заметила.

В начале мая 1982 года было возбуждено уголовное дело. Сотрудники милиции говорили с десятками людей, знавших Вербова, его сослуживцами и родственниками. Что удалось им выяснить?

Георгий Евгеньевич Вербов, фотограф комбината коммунально-бытовых предприятий, работал в филиале музея больше двенадцати лет. В характеристике, которую филиал прислал по запросу милиции, говорилось: специалист высокой квалификации, энергичный, инициативный, Вер-

бов постоянно перевыполнял план. Жалоб от клиентов на него не поступало. Посетителей музея обслуживал корректно. Снимал бесперебойно, в выходные и праздники, не считаясь с личным временем.

Фотографы комбината отзывались о Вербове более сдержанно. Специалист? Да, безусловно, этого никто не оспаривал. Но с единодушным раздражением фотографы говорили о том, что за время работы на мемориале Вербов добился безраздельного господства своей «фирмы». Каким образом? В основном за счет приятельских отношений с администрацией музея и более высоким начальством. С «конкурентами» разбирался безжалостно. Стоило какому-нибудь фотографу-новичку появиться на мемориале, как его тут же выпирали. Сам же Вербов зарабатывал помногу. Почти каждый свой отпуск проводил за границей: в Англии, Италии, ФРГ, откуда привозил дорогостоящую технику. Имея прекрасную кооперативную квартиру в Гавани, арендовал вторую. Вообще любил комфорт: хорошо одевался, посещал рестораны, ездил исключительно на такси.

Легко сходилась с молодыми женщинами...

II

Из протокола допроса Татьяны Поликарповой:

«В субботу 24 апреля Темнов, Скроденис и Яша с утра куда-то уехали. Вернулись они поздно, около одиннадцати вечера. Оставили три бутылки дорогой посольской водки, о чем-то накоротке поговорили в маленькой комнате, после чего снова ушли. Вернулись наутро, чем-то озабоченные, даже подавленные. Одежда и особенно обувь у всех были в грязи...»

Сообща они снимали квартиру в Гатчине. Жили в ней вшестером — Темнов, Скроденис, Яша Серебряков по прозвищу Лим и три девушки: Татьяна, Светлана и Ольга — парикмахерши из ближних поселков. Мужчины не работали нигде. Чем они занимались, сожительницы не знали. Порой у них появлялись немалые деньги. И тогда компания устраивала громкие кутежи в дорогих ленинградских ресторанах. Или «на природе» — с шашлыками и обильными возлияниями после деревенской бани.

Безоговорочным лидером в компании считался тридцатипятилетний Леонид Темнов. Он был старше других, лучше знал жизнь и требовал беспрекословного подчинения. Темнов же распоряжался деньгами «колонистов», как не то в шутку, не то всерьез они все себя звали.

Изредка в компании бывал и Владимир Музафаров — угрюмый, всегда раздраженный, конфликтный парень. Сигареты, которые он курил, оставляли после себя специфический запах. По секрету Темнов как-то шепнул девушкам, что Музафаров находится «в бегах»...

III

Подростком Леонид был уверен, что в будущем его обязательно ждет успех.

От отца он унаследовал крепкое телосложение и с тринадцати лет занимался спортом. Сначала вольной борьбой, позже боксом. Был неизменным участником школьных соревнований, легкоатлетических кроссов. В классе спортом увлекалось большинство мальчишек, но Темнов был самый сильный. У подростков физическая сила, известно, ценится высоко. Поэтому Леонид пользовался в классе авторитетом. Он слыл непобедимым. На школьных соревнованиях занимал призовые места. И даже раз добился первенства на районном соревновании по боксу среди юниоров.

Кроме того, Леонид с детства проявлял способности в рисовании и несколько лет посещал во Дворце пионеров кружок живописи и ваяния.

Жил Леня с матерью в огромном темно-сером доме напротив сквера, который по старинке звался Прудками. Говорили, будто прежде в саду были большие пруды. В их доме преобладали коммунальные квартиры, но Темновы занимали отдельную. Отец до конца шестидесятых служил на Севере, денег матери присылал достаточно, и они не нуждались. Мать без отца не скучала. Очень общительная, любившая веселье и шум, она вечно собирала вокруг себя компании таких же веселых, не слишком обремененных заботами женщин. И не только женщин. В их квартире постоянно что-то праздновали, что-то отмечали. И центром веселья неизменно бывала миловидная, стройная хозяйка дома. Леонида в подобных случаях пораньше укладывали спать. А стал постарше — отправляли погостить к соседям. Но кое-что он все же успевал увидеть. И эти нескончаемые праздники в отсутствие отца ему никогда не нравились.

Нельзя сказать, чтобы мать недостаточно о нем заботилась. Наоборот, со своей стороны она стремилась, чтобы сын ни в чем не нуждался. Когда Леня подрос, прикладывала немало сил, чтобы он по моде одевался, доставала ему импортную обувь, фирменную спортивную одежду.

То, что сын мало читал, мать не волновало.

К отцу Леонида тянуло, но он видел его в те годы редко. Темнов-старший прилетал домой только в отпуск и то с семьей не сидел, а спешил на юг, к морю. А потом, загорелый и отдохнувший, снова возвращался к месту службы.

В семидесятом году отец вышел на пенсию, и они стали жить вместе. Веселые компании в их квартире собираться перестали; мать к этому времени постарела и все больше сидела у телевизора.

Сближения отца с сыном не произошло. Темнов-старший на Леонида поглядывал почему-то косо, словно тот был перед ним в чем-то виноват. А вскоре отцу и вовсе стало не до сына. Получив в Белоострове земельный участок, он весь ушел в строительство дачи.

На этой почве, кстати сказать, у них дома начались столкновения. Отец не чурался никакой работы — ни плотницкой, ни столярной, ни кровельной. Дачу от фундамента до крыши строил своими руками. Он и от сына требовал посильной помощи. Отца раздражало, что Леонид, здоровый парень, не умел толком гвоздя вбить. Но мать возражала. У ребенка, говорила она, одна задача — учиться.

Но как раз учиться-то Леня хотел меньше всего. Не успевал по большинству предметов. Единственная пятерка по физкультуре погоды не делала. Еще чаще на родительских собраниях и педсоветах говорилось о его плохом поведении. Леонид дрался и на переменах, и после уроков. Навыки, полученные в секции бокса, он применял явно не по назначению.

Под давлением матери отец, скрепя сердце, погашал конфликт. Был он человек авторитетный, заслуженный и запросто открывал двери директорского кабинета. Дома же после посещения родителем школы всякий раз гремели скандалы. А однажды отец, потеряв терпение, отстегал сына тяжелым армейским ремнем. Но это не помогло. И вскоре приключился случай посерьезней. Подравшись с одноклассником, Леонид, не рассчитав сил, ударил того головой о батарею. Парня с диагнозом «сотрясение мозга» отправили в больницу. Было много шума. Родители пострадавшего грозили судом. До этого, правда, не дошло, но из школы Леонида исключили. А после того, как руководством спортивного общества стало известно о поведении Темнова, его отчислили и из боксерской секции...

Микрорайон, где жил Леонид, неофициально звался «сопкой» и пользовался в те годы дурной славой. Вечерами на сопке собиралась шпана из близлежащих дворов, и пройти здесь в темноте бывало делом небезопасным. В

том числе и взрослым, не говоря о несовершеннолетних, которых здесь буквально терроризировали: избивали, снимали шапки, часы.

Постоянные обитатели сопки, подростки семнадцати-восемнадцати лет, во многом были схожи. Книг они отроду не читали, учились через пень-колоду, спортом не увлекались. Они сами считали себя неудачниками и ненавидели тех, кто их хоть в чем-то превосходил. Им хотелось, чтобы их боялись. Каждый мало значил сам по себе, но, собравшись группой в 10—15 человек, они чувствовали себя некой темной силой, грозой подворотен и глухих дворов.

На деньги, отнятые у подростков, покупалось дешевое вино, которое распивалось в ближайшей парадной, а то и на скамейке Прудковского садика. Выпитое подзадоривало, толкало на новые «подвиги». Дрались уже серьезнее — бутылками, самодельными кастетами, велосипедными цепями. Жертвами нападений становились и взрослые люди, если они на свою беду забредали в темный сквер. Нападали кучей, со всех сторон и, свалив на землю, обступив, избивали ногами...

Родители устроили Леонида на завод «Лентрублит» учеником формовщика. Но Темнов работать не хотел, прогуливал. Зато в компаниях «сопкинских» он был своим парнем. Он выделялся физической силой, агрессивностью. Выпив вместе с другими, первым завязывал драки с прохожими, бил жестоко и умело.

Его хорошо знали в клубе ликеро-водочного завода, куда Темнов со своей компанией частенько наведывался на вечера отдыха. Ездили, понятно, не столько танцевать, сколько драться. Знали Леонида и в отделе милиции Смольнинского района, где он состоял на учете.

Трудно сказать, чем бы все это кончилось, если бы весной Леонида не призвали в армию.

Вернулся он через два года повзрослевшим. В отсутствие Леонида родители поменяли квартиру. Стремясь оградить сына от влияния дворовых приятелей, переехали в другой район. И на первых порах как будто все пошло по-новому.

Леонид окончил художественное училище. Он и прежде ведь тяготел к рисованию. И по распределению стал работать оформителем, украшал витрины магазинов. Место считалось блатным, и не случайно: не особенно обременительное, оно открывало доступ за прилавков к дефицитным товарам. Темнов старался, что было благосклонно отмечено начальством. И не только пацальством. К Леони-

ду проявил интерес Константинов — заведующий одной из секций Гостиного двора. Парень деловой и разносторонний. Однажды он даже пригласил Леонида в сауну, где они провели почти целую ночь. В интересном обществе с ребятами из киностудии, которые прокрутили на видеомагнитофоне — его поставили прямо на кафельном краю бассейна — привезенные из-за рубежа кассеты с нашумевшим фильмом «Крестный отец».

Константинов познакомил Темнова со своими приятелями — одаренными и деловыми художниками, мечтавшими создать свой салон живописи. Все они писали авангардистские картины и время от времени в большой квартире одного из парней, входивших в компанию, устраивали выставки своих работ. Народу на эти выставки приходило немало. Картины нравились. Особенно урбанистические пейзажи одного художника, на которых знакомые ленинградские здания представляли в напряженных человеческих образах. Желающие могли приобрести картину себе по вкусу или заказать цветные слайды с нее в неограниченном количестве.

Хозяин квартиры предложил Темнову печатать слайды. Фотолаборатория помещалась в небольшом чулане, за кухней. Леонид взялся сначала неохотно, но дело обернулось немалыми барышами. Ведь не всякий мог позволить себе приобрести картину — стоили они довольно дорого. А слайды брались нарасхват. Дело было нехитрое, но требовало времени. И работы Темнова перестали появляться в витринах магазинов. Он лишь продолжал числиться художником-оформителем. А для того чтобы место за ним сохранялось, скромную зарплату отдавал бригадиру.

Но продолжалось это недолго. Зимой компания художников внезапно распалась, причем самым неприятным образом. Хозяина квартиры привлекли к уголовной ответственности за коммерческое посредничество между покупателями картин и их авторами. И за занятие запрещенным промыслом. Темнов отделался штрафом. С основной работы пришлось уйти...

Некоторое время Леонид слонялся, не зная, чем заняться. Идти работать на завод не хотелось. Самым краешком его коснулась соблазнительная жизнь знакомых дельцов, их возможности. Чем он хуже их? Но двери в тот мир, где люди умели жить «красиво», перед Леонидом наглухо захлопнулись: Он слонялся, злобился, пил. Случайно встретил как-то двух прежних приятелей, знакомых еще по «сопке». Как и Леонид, оба нигде не работали! Стали пить вместе. Деньги скоро кончились. В конце явля-

ря, забравшись в кафе «Эврика», они вытащили через окно железный ящик с деньгами и трудовыми книжками работников кафе. Деньги пропили, а документы сожгли. В феврале, взломав замок столовой, где праздновался вечер участников Великой Отечественной войны, Леонид обокрал гардероб. За ним погнались, настигли. И, сопротивляясь, Темнов пустил в ход нож...

Полученный срок он отсидел, что называется, от звонка до звонка. Бессонными ночами тосковал, глядя на «солнце зэков» — электрическую лампочку на дощатом потолке барака. Считал дни до выхода из колонии.казалось, не выдержит: днем лесоповал, потом зона, колючая проволока, солдаты на вышках, натасканные овчарки. Злость на весь мир, на тех, других, не лишенных свободы, клокотала, душила. А в голове стучало одно: только бы выйти отсюда, только освободиться. Он еще возьмет свое...

IV

Из протокола допроса Владимира Музафарова:

«В марте 1982 года на Балтийском вокзале я случайно встретил Леонида Темнова. Знал его раньше по колонии. Темнов рассказал, что сколотил из надежных ребят «тигрятник», группу «быстрого реагирования». Занимаются рискованными делами. Предложил приехать в Гатчину, где они снимали квартиру».

Той зимой «экипаж» Темнова специализировался на выколачивании долгов. В основном карточных, работая в доле с компанией шулеров. Те обыгрывали простачков в поездах, а Леонид с друзьями помогал шулерам при расчете. Обращались к Темнову за помощью и другие. Занял кто-то у знакомых деньги на кооператив, к примеру; или машину, а с возвращением тянет. И по просьбе давшего деньги сподвижники Темнова долг вышибали. Не даром, разумеется, себя не обижали. Работали «с половины». С каждой возвращенной тысячи имели до пятисот рублей вознаграждения. Дело было нехитрое, но требовало известной оперативности. Нагрянув к очередному должнику, угрожая, а подчас жестоко избивая виноватого, они принуждали его раскошелиться. Если же денег не оказывалось, увозили ценные вещи — телевизоры, звукотехнику, одежду...

В квартире, которую Темнов с приятелями снимали в Гатчине, почти отсутствовала мебель. Сидели на ящиках, спали на полу. Зато на стол каждый день ставилось спирт-

ное. Пили каждый день, а случалось, употребляли и наркотики. Под стать себе подобрал Леонид и своих «бойцов». Двое из них уже привлекались за разбойные нападения. Третий — за кражу веронала из сейфа поликлиники. Никто из них нигде не работал. Деньги обитатели гатчинской «колонии» добывали преступным путем...

Как-то в начале весны восемьдесят второго года Темнов разговорился в бане с незнакомым парнем. И услышал от него нечто, сразу его заинтересовавшее.

Некий Вербов, точнее просто один фотограф, фамилия его прозвучала позднее, работая в известном музее-мемориале нашего города, сколотил солидное состояние.

Поначалу к услышанному Темнов отнесся с недоверием. Мало ли что говорится по пьяной лавочке. Но парень (тоже фотограф, работавший в одной организации с Вербовым) клялся, что сам видел деньги. Описывал, как выглядит огромный пакет сотенных купюр, завернутых в полиэтилен. Рисовал план фотолаборатории и крестиком показывал на нем, где искать деньги. В правом углу стеллажа, за отснятыми негативами...

Посоветовавшись со своими «штурмовиками», Темнов решил этого богатого фотографа посетить.

Вместе с наводчиком, давшим «наколку», они съездили к музею. Издали видели Вербова. Потом побывали на Синопской набережной, где на первом этаже старого дома фотограф арендовал помещение.

Темнов с самого начала не сомневался в том, что получить деньги будет непросто. Маловероятным казалось ему и обозначенное на плане место тайника. Поэтому решено было вывезти Вербова за город, в безлюдное место, где и заставить его отдать деньги.

Нападение на фотографа Темнов продумал до мелочей. Согласно его сценарию преступники должны были разыгрывать роль сотрудников милиции. Предъявив фотографу поддельное удостоверение, они затолкали бы его в машину. Для придания сцене большей достоверности — ведь «задержание» осуществлялось бы на оживленной улице, середь бела дня — Темнов придумал еще одну деталь. Преступники должны были надеть на Вербова наручники, «Браслеты», по замыслу, обелили бы действия нападающих в глазах прохожих, превратили бы жертву в преступника.

Темнов знал в Москве одного умельца, который мог изготовить что угодно, в том числе и типовые наручники. В начале апреля Скроденис съездил к тому в Химки, но безрезультатно. Парня, как выяснилось, посадили.

Преступники стали разрабатывать новый план. Прозванивая телефон фотографа, они случайно выяснили, что аппарат Вербова параллельно подключен к телефону какого-то учреждения. Это навело на мысль, под каким предлогом можно попасть в квартиру.

Крытую грузовую машину достали не без труда. В конце концов Музафаров договорился со знакомым шофером, работавшим в леспромхозе под Гатчиной.

К середине апреля предстоящая «операция» была отработана до мелочей. Можно было начинать действовать...

Скроденис и Музафаров проникли в фотолабораторию, представившись работниками телефонной станции. Некоторое время спустя в квартиру позвонил — условным звонком — Темнов. Открыл ему Скроденис. Доложил шефу обстановку. Первая часть акции прошла в соответствии с планом. Фотографа захватили врасплох, связали. Пытались с ним разговаривать, но он ничего не говорил. Денег же нигде не было.

Темнов прошел в комнату, откуда доносились неясные, приглушенные звуки. Пожилой, седой мужчина, опираясь на локоть, полулежал на полу. Во рту у него торчал кляп, руки и ноги были связаны. Все в лаборатории перевернуто вверх дном.

Приблизившись к фотографу, Темнов опустился на корточки, освободил ему рот от затычки и попытался с Вербовым заговорить. Лицо фотографа было основательно «разукрашено», волосы — в запекшейся крови. Он не кричал, не звал на помощь. На все вопросы твердил, что человек он бедный и пятьсот рублей на сберегательной книжке — единственное его достояние. Завтра, дескать, он снимет их и отдаст, но больше не имеет ни копейки.

В течение нескольких часов озверевшие, потерявшие человеческий облик преступники допрашивали фотографа. Избивали, ломали ему пальцы, но он только стонал и мычал что-то невразумительное... Темнов приказал готовить Вербова к вывозу.

По плану предполагалось сделать фотографу наркотический укол и отвезти его в район сиверских лесничеств. Преступники рассчитывали, что, очнувшись после укола в незнакомом месте, лишенный малейшей надежды на выручку, Вербов должен был «расколоться». Темнов не исключал, что, поняв всю серьезность положения, фотограф заговорит еще по дороге. В крайнем случае, считал Темнов, в уединенной лесной сторожке, вдали от людских глаз и ушей, способы развязать человеку язык нашлись бы...

Укол Вербову он поручил сделать Лиму, наркоману со стажем. В портфеле, который фотограф принес с собой, оказалось несколько литровых бутылок посольской водки, какие-то банки. Пока Лим кипятил шприц для инъекции, Темнов со Скроденисом, взяв портфель, пошли обсудить план дальнейших действий.

В фургоне распили бутылку водки. Открыли банку консервированных огурцов. Оценили ситуацию. Темнов подтвердил свои намерения довести дело до конца во что бы то ни стало. Велел шоферу через полчаса подогнать машину вплотную к парадной фотографа. Потом они вернулись в квартиру. Укол Вербову был уже сделан.

Планировалось вынести его из квартиры в кухонном пенале или каком-нибудь ящике. Но ничего подходящего в фотолаборатории не нашлось. Тогда Вербова закатали в большой ковер, покрывавший пол спальни. Рот ему заткнули кляпом. Перенесли фотографа в машину быстро. Фургон простоял у подъезда в общей сложности не больше трех-четырёх минут.

▼

Преступники намеревались, после того как вынудят фотографа отдать деньги, сделать ему еще один укол того же препарата. Темнов все рассчитал и не сомневался, что и впоследствии, придя в себя, фотограф не станет поднимать шума из-за нечестно нажитых денег, дабы не привлечь к себе внимания правоохранительных органов.

Но дальнейшие события развивались совсем иначе. На объездной дороге, ведущей в лесничество, машина застряла. Размытая паводком грунтовка оказалась непроходимой. С трудом, буксуя, они сделали по ней два километра, пока не сели окончательно. Все усилия выбраться ни к чему не привели. Тогда решили заночевать. Ничего другого не оставалось. В фургоне Темнов свалился на топчан и сразу же уснул. Проснулся он от сильнейшей головной боли. Не лучше чувствовали себя и остальные. Оказывается, шофер не выключал на ночь двигателя, и все находившиеся в фургоне отравились выхлопными газами.

Кое-как выбрались на свежий воздух. Один свалился, двоих рвало. Вспомнили о фотографе. Ковер выволокли наружу, разрезали веревки. Кто-то тихо сказал, что Вербов, похоже, «отъехал». Смысл сказанного дошел до сознания угоревших бандитов не сразу...

Меньше чем за полгода компанией Темнова был совершен ряд дерзких преступлений. Разоблачить группу «бы-

строго реагирования» удалось не сразу. Не потому ли, что пострадавшие не спешили жаловаться? Большая их часть, подсчитав нанесенный преступниками ущерб, предпочитала оставаться в тени. Темнов знал, кого грабить. Среди «клиентов» преобладали люди скромных должностей и постов, но жившие при этом не по средствам. О том же Вербове коллеги рассказывали, что «прогнав» только одну пленку, фотограф имел с нее около сотни рублей чистых денег. Снимая посетителей популярного исторического мемориала, он ловко превратил это дорогое многим ленинградцам место в доходную кормушку. При официальном окладе 140 рублей в месяц жил широко: имел две квартиры, ежегодно бывал за границей; вообще «красиво жил, денег не считал».

На суде Темнов пытался представить себя и своих сподвижников чуть ли не борцами за справедливость. Этими благородными разбойниками, грозой «подпольных миллионеров».

Судебный процесс привлек внимание общественности. И не только несколько необычной изощренностью действий преступников или личностью потерпевших — замаскированных подпольных богатеев. У многих присутствовавших тогда в зале заседаний не выходил из головы вопрос: откуда берутся профессиональные преступники, вроде Темнова и К^о? Что их порождает?

Теперь ведь мало кого устраивают ссылки на пережитки дореволюционного прошлого как на основную причину бытующих у нас негативных явлений. Не дают исчерпывающего ответа и рассуждения социально-психологические, выводящие корысть и жестокость преступников (а также способность их к объединению в организованные группы) исключительно из той среды, в которой эти люди живут и воспитываются. Да, конечно, такие черты, как добро и зло, человек обретает от близко окружающих его людей: родственников, приятелей, сослуживцев... И в этом отношении биографии участников группы Темнова показательны. Всем им не очень повезло с родителями (у одного — распутная мать, у другого пьянство в семье, у третьего — безотцовщина). Для всех «университетами» явилось общение с уголовниками, явными или замаскировавшимися переносчиками бацилл паразитизма, корысти и бессердечия. От дружков передались порочные пристрастия к пьянству и наркотикам.

Однако упрощением было бы сводить сегодняшнюю преступность к тлетворному влиянию плохой компании. Повторяющиеся из года в год преступления выявляют и

многие социальные, экономические и нравственные проблемы. Очевидно, не случайно в период, именуемый ныне временем застоя, когда немало скопилось требующих разрешения проблем, в значительной мере увеличилось число преступлений, сущность которых связана с круговой порукой, изощренностью и групповщиной.

Суд над группой «быстрого реагирования» состоялся. Виновные наказаны. Впрочем, наивно было бы рассчитывать на Уголовный кодекс как на единственное средство очищения общества от разных мастей грабителей, вымогателей, хулиганов. Действующие законы у нас отнюдь не мягкие. Но их результативность, их предупредительная сила во многом зависят от того, насколько успешно в стране идет преобразование хозяйственного механизма, улучшаются условия труда и жизни, развиваются гласность и демократия, утверждаются нормы справедливости и нравственности.

ИГРА В НАПЕРСТОК И “БОЕВИКИ” РЭКЕТА

ОПЕРАЦИЯ «ЗАХВАТ»

Операцию под кодовым названием «Захват» назначили ровно на 6.00 утра. Силы были задействованы немалые — почти весь личный состав Управления уголовного розыска Ленинграда. Возглавил операцию заместитель начальника управления А. Д. Шавгулидзе.

В списке у А. Н. Мануйлова все адреса стояли по порядку: проспект Луначарского, улица Наличная... В такой же последовательности его группа и привозила преступников — А. Балашов, С. Тарасов, Л. Кульбака... За сутки в Главное управление внутренних дел Ленинграда доставили около двухсот человек, следователи не успевали допрашивать задержанных. Единственный, кого не потревожили в эту ночь, был Сергей Васильев — главная фигура во всей этой истории.

Об арестах своих ближайших помощников Васильев узнал на следующее утро. Резкий и требовательный звонок телефона заставил его подняться с постели.

- Сережа, это я.
- Чего так рано?
- Беда, всех повязали...

Секунду Васильев молчал, но не больше — думал, потом быстро сказал:

— Стрелка девять часов, — и не дожидаясь ответа, положил трубку.

Этот человек не терялся ни при каких обстоятельствах, всегда действовал быстро и решительно. Вот и сейчас, несмотря на сногшибательную новость, неторопливо выпил

стакан чая, спустился вниз, сел в свой роскошный «форд» и поехал на встречу. По дороге голову сверлила только одна мысль — неужели милиция все-таки решилась объявить ему войну? Ведь доказательств нет! Ну что ж, посмотрим, кто кого.

Следствие шло полным ходом, а Васильева так никто и не вызывал, словно забыли о нем. Васильев время даром не терял, вел свое следствие. С Литейного, 4, все свидетели сразу же шли к нему на Озерную улицу и рассказывали, кто что узнал. Хозяин квартиры тщательно записывал их «показания», иногда говорил:

— Это мне не нравится, иди обратно, скажешь вот так.

И свидетель спешил обратно, на Литейный, 4, отказывался от прежних показаний, давал новые.

О втором «следствии» в милиции знали, это обстоятельство решили использовать по-своему. С теми, кто находился в изоляции, говорили о роли Васильева, а тому, кто был на свободе, фамилию Васильева старались не называть. Поэтому с какого-то дня «протоколы допроса» Васильева стали расходиться с милицейскими...

СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВ

Их было трое братьев — Александр, Сергей и Борис. Родились и выросли в Вырице, также все трое стали заниматься боксом. Кроме спорта, ничем не увлекались. Но постепенно бокс стал отходить на второе место, понимали, что чемпионами не станут. Из трех братьев особенно выделялся средний — Сергей. Кроме крепких кулаков он обладал изворотливым умом и необычайной хитростью. Даже на ринге противник не знал, что в следующую секунду можно ожидать от Сережи. В общем, личность незаурядная. Среди братьев он уже давно стал лидером.

В 18 лет Сергея судили за изнасилование. Освободившись, приехал жить в Ленинград. Примерно в эти годы он и познакомился с тогда еще мелким валютчиком Михаилом Дахьей. Они были абсолютно разными людьми. Но обоими владела неудержимая страсть делать деньги. Дахья помог Сереже встать на ноги, сколотить небольшой капитал. Васильев знал нескольких «центровых» мальчиков, которые скупали у иностранцев шмотки, при возможности брали и валюту. Эту валюту они несли Васильеву, а тот Дахье. Постепенно круг «центровых» у Сережи расширился, увеличились и спекулятивные сделки. Миша Дахья уже ворочал шестизначными суммами, его авторитет в мире дельцов рос с каждым днем. А Васильев по-прежнему

оставался все тем же незаметным мальчиком, по мелочевке скупающим иностранные дензнаки. Исчезнет завтра Дахья — исчезнут доходы и у Сережи. Это он хорошо понимал, поэтому решил организовать свое дело, где главный куш будет доставаться только ему, Васильеву.

«ФИРМА» ВАСИЛЬЕВА

Спортом Сергей уже давно не занимался, но своих друзей из клуба не забывал. Часто собирались вместе в баре «Роза ветров». В основном это были те, кто не пробился в большой спорт или уже выпал из него. Спортсмены-неудачники часто заглушают свои обманутые надежды спиртным, напиваются до состояния космической невесомости. И только единственный человек, который из всей этой компании не пил, был Васильев. Про него так и говорили: «Сережа никогда с рельсов не сходит».

Да, с рельсов он не сходил, и это невольно подкупало. Постепенно Васильев объединил вокруг себя тесную компанию бывших боксеров, самбистов, каратистов, бывших мастеров и чемпионов. Этих ребят он подкармливал и подпаивал в ресторанах, оплачивая их счета, иногда давал в долг небольшие суммы денег. Понимал, что долг не вернут, но все равно давал — рано или поздно получит с процентами.

...Игру в наперстки Васильев заметил давно. Играли на барахолке в Ульяновке, у автомагазинов на Энергетиков и Салова.

— Если отгадаешь, под каким наперстком шарик, я тебе 50 рублей плачу, если не отгадаешь — ты мне 25,— объявлял условия игры «крутильщик» и прямо на твоих глазах демонстративно накрывал одним из трех наперстков маленький шарик и начинал в определенной последовательности их двигать. Глаз Сережи вместе с играющими неотрывно следил за наперстком с шариком. Иногда он отгадывал, иногда нет. Вскоре он понял секрет этой нехитрой, но азартной игры. Но прежде он обнаружил следующую закономерность: на всех толкучках играют только лица кавказской национальности, и отгадывают шарики одни и те же люди, все остальные проигрывают. Сергей догадался, что выигрывают свои, вызывая ажиотаж у толпы зевак. Правда, иногда «крутильщик» проигрывал сотню другую постороннему, чтобы затем выиграть у незнакомого «счастливчика» две-три тысячи. Весь секрет заключался в том, что «крутильщик» мог незаметно во время игры переместить шарик в другой наперсток или оставить его под

тем, под которым видела его толпа зевак. Все зависело от партнера. Одним словом, игра шла в одни ворота и на один карман.

Сергей не сомневался, что за всем этим стоял кто-то один, остальные получали только определенную долю. Вскоре он узнал «хозяина» наперсточной игры — некто Симон. Часто вместе с «центровыми» бывает в ресторанах, покупает у них импортные тряпки, пользуется услугами общих проституток. Теперь Васильев владел всей необходимой информацией, чтобы заняться перераспределением сфер влияния. Но для этого ему нужно было раз и навсегда вытеснить кавказцев.

В один из воскресных дней к толкучке на Ульянке подъехало трое «Жигулей». Не вылезая из машины, Васильев показал своим «боевикам» (люди с пустыми головами, но с крепкими кулаками) на кавказцев. Драка длилась недолго, бывшие спортсмены быстро взяли верх и вмиг разогнали всех игроков. В тот же вечер Васильев позвонил Симону:

— Слушай, Симон, твои люди мне мешают, или плати бабки или убирайся!

В трубке послышалось недовольное ворчание.

— Хорошо, тогда завтра даю бой! — спокойно ответил Васильев и положил трубку.

На следующее утро пять машин стремительно подкатили к автомагазину на проспекте Энергетиков, пронзительно взвизгнув тормозами, замерли как вкопанные. «Команда» Симона уже ждала гостей. Кавказцев было человек десять — Зураб Хоперия, как всегда, крутил наперстки, остальные находились поблизости.

— Давай! — скомандовал Васильев.

«Боевики» ринулись вперед, в руке у одного виднелся жигулевский коленвал, у другого — металлический прут. На этот раз была не драка, а настоящая бойня. Кто-то из «боевиков» с первого же удара выбил все зубы Зурабу Хоперия, кому-то сломали руку.

После Энергетиков Симону стало ясно, что пора сворачиваться, с ребятами Васильева шутки плохи. Рано или поздно в каком-нибудь темном переулке прижмут и его, Симона, а всех его игроков разместят по больничным койкам.

«ФИРМА» НАБИРАЕТ ОБОРОТЫ

Так Васильев стал полноправным хозяином наперсточной игры в Ленинграде. Он расставил своих людей на толкучке в Ульянке, на Энергетиков, Салова, Благодатной,

Стачек, во Всеволожске. Наперстки крутили все те же жулики-кавказцы, только теперь они крутили шарик на карман Васильева. А что им оставалось делать? Как известно, сила силу ломит. После очередного собрания в «Розе ветров» Васильев мог собрать «команду» в 500 человек, впрочем, такой армии громил ему и не требовалось, вполне хватало 50 «бойцов», которых он собирал за полчаса в любое время дня и ночи. Пойти в милицию? Но от одного этого слова жуликам становилось не по себе. Лучше уж согласиться на кабальные условия Васильева, зато будет гарантия, что тебе не выбьют челюсть и к концу «рабочего» дня ты получишь свою долю.

После наперстков Васильев решил заняться автомобилями. На автомобильном рынке тоже господствовали кавказцы, только другие, не наперсточные. Подъедет повенская машина, а к владельцу уже спешит грузный мужчина с солидной внешностью и с характерным акцентом говорит:

— Продай, дорогой, любые деньги сверху заплачу.

Сверху — подразумевалось дороже госцены или оценочной стоимости в комиссионном магазине. Неудивительно, что владелец хочет получить за свой автомобиль максимальную цену. Как правило, эту разницу — «верхушку» — продавец получает наличными в момент оформления купли-продажи, и составляет она внушительную сумму — от тысячи до десяти. Все зависит от модели и года выпуска. За иностранную машину могут заплатить и больше. Кто-то считает это спекуляцией, кто-то нетрудовыми доходами. Но давайте обратимся к Уголовному кодексу РСФСР. Статья 154 (спекуляция) трактуется как скупка и перепродажа с целью наживы. Человек, который покупал машину десять — двадцать лет назад, навряд ли думал о перепродаже и тем более о наживе. Другое дело, если он приобрел машину и сразу же поехал продавать ее. Поэтому у комиссионного автомагазина встречаются люди разные — и отъявленные спекулянты, и неискушенные владельцы резко подорожавших за последнее время «Волг».

Вот из-за этого несовершенства автомобильных цен после 1979 года и появились так называемые «кидальщики». Обещают продавцу любую сумму «сверху», а когда уже оформляют машину, «кидают» продавца, то есть обманым путем не платят обещанную сумму. Обманывают по-разному — от ловкого мошенничества до откровенного насилия. В этом деле Васильев решил тоже навести «порядок». Позвонил одному из заправил автомобильного бизнеса, велел убираться с рынка. Перепуганный делец

попытался вступить в переговоры, но Васильев положил трубку. В услугах того он не нуждался, своих людей хватало. На следующий день на Энергетиков прикатило пять «Жигулей». При виде этих машин «кидальщики» сразу ретировались, обзаводиться вставными челюстями никому не хотелось.

Процесс покупки и перепродажи машины «фирма» Васильева проводила по четко отработанному плану. Одни ловили «лохов» (как правило, доверчивые, неискушенные люди, продающие что-либо дефицитное и дорогое), вторые договаривались с ними о цене, третьи «кидали». Каждому отводилась своя роль. Особым талантом в этом отношении пользовался некто Леонид Кульбака, уроженец Донецкой области. Человек солидный, в летах, он представлялся шахтером, показывал свои натруженные, крепкие руки.

— Только что из шахты вылез, вот машину хочу купить, но жуликов очень боюсь.

После этих слов «шахтер» доставал из кармана толстенную пачку денег и протягивал ее владельцу машины. От такой доверчивости мог смутиться даже самый отъявленный спекулянт. Да, такого простачка здесь вмиг облапошат, думал он. Но получалось наоборот.

С жителем Новгородской области И., владельцем «Волги» ГАЗ-24, Кульбака познакомился случайно. Пообещал заплатить за «Волгу» семнадцать тысяч рублей. Через неделю, захватив двоих помощников, приехал в Новгород. Здесь, на дому у владельца «Волги», Кульбака демонстративно отсчитал четыре тысячи — «верхушку», завернул их в бумагу и положил в шкаф. Потом они поехали в магазин, переоформили машину и расстались. Довольный продавец вернулся домой, достал из шкафа оставленный Кульбакой пакет и хотел пересчитать деньги. Но вместо денег обнаружил в пакете... кусок хлеба.

Способы мошенничества были разные. Однажды Кульбаку познакомили с С., владельцем нового УАЗа. Мошенник предложил за машину двадцать пять тысяч рублей. Но С. оказался не таким уж простачком, как предыдущие «лохи», шахтерские штучки Кульбаки на него не действовали.

— Двенадцать тысяч вперед, а на следующий день оформляем машину, — твердо заявил он.

На это Кульбака предложил свой вариант: перед оформлением покупки разницу он положит на сберкнижку, и эту сберкнижку С. будет держать у себя. Продавец согласился. Подъехали к сберкассе, Кульбака попросил владельца УАЗа заполнить приходный ордер на двенад-

цать тысяч рублей. С. заполнил, затем Кульбака подал кассиру заполненный ордер вместе с толстой пачкой денег и, получив сберкнижку, сразу же отдал ее С. Потом они поехали в автомагазин, переоформили машину и расстались. С. направился в сберкасса, но, к своему удивлению, обнаружил, что на его сберкнижке лежит не двенадцать тысяч, а всего лишь двенадцать рублей. Состояние было шоковое. С. долго не мог понять, как все это получилось. Ведь он же собственноручно заполнил приходный ордер на двенадцать тысяч, видел, как кассир пересчитывала деньги, затем сразу же положил сберкнижку себе в портфель и больше ее не доставал. Прямо фантастика!

Но никакой фантастики не было. Весь секрет «фокуса» Кульбаки заключался в следующем. Жулик заранее клал на сберкнижку на имя С. двенадцать рублей и параллельно заполнял на свое имя приходный ордер на двенадцать тысяч. Затем приезжал в сберкасса с продавцом, тот оформлял приходный ордер, Кульбака брал его и подавал работнику сберкассы... свой приходный ордер. Подмену бумажек заметить было невозможно. Потом мошенник смело протягивал кассиру двенадцать тысяч рублей, а под ладонью у него уже лежала сберкнижка с двенадцатью рублями. Через минуту следовала еще одна манипуляция, и Кульбака отдавал владельцу машины сберкнижку на двенадцать рублей.

Купленный УАЗ Кульбака затем перепродал в Узбекистане за двадцать три тысячи рублей, получив наживу десять тысяч пятьсот пятьдесят рублей.

Помимо коронного номера со сберкнижкой в арсенале мошенников и более прозаические приемы. Например, разыгрывание сцены задержания жуликов «сотрудниками уголовного розыска», применение силы — отеснят в сторону обманутого продавца неизвестно откуда появившиеся здоровенные молодцы, а покупатель в это время благополучно уедет.

Каждый месяц жулики покупали и перепродавали по несколько машин. Некоторые брали лично для себя и своих знакомых. Для Васильева подыскивали иномарки. «Хозяин» предпочитал фирменные машины. Сначала он ездил на новенькой «тойоте», затем на «форде», «мерседес» обкатать не успел, арестовали.

«ФИРМА» ИЛИ МАФИЯ

Слово «мафия» пришло в наш лексикон с Запада. Считается, что в социалистическом обществе ее нет, так как

для этого нет социальных предпосылок. Но вот в последнее время это страшное слово все чаще употребляют уже относительно нашего общества. Там разоблачили торговую мафию, там ресторанную и т. д. Да, все эти люди действуют организованно и совершают опасные преступления, но они не занимаются террором и рэкетом — истинно гангстерским ремеслом. Поэтому в официальных документах их именуют группой преступников, и, наверное, это правильно.

Теперь со всей откровенностью и прямоотой проанализируем деятельность преступной группы Васильева. Из мелких валютчиков и правонарушителей эти молодые люди постепенно превратились в хорошо отлаженную организацию по террору и вымогательству у других преступников денег (рэкет). Каждому отведена своя роль — одни бьют, другие вымогают деньги и следят за регулярностью их поступления, третьи ищут «лохов», четвертые «кидают», пятые перепродают купленные обманным путем машины и так далее. И все эти группы и подгруппы (дочерние фирмы) работают на одного человека — Васильева. Как назвать эту преступную организацию? Не иначе как мафия.

Мафия Васильева постоянно искала новые сферы влияния. «Хозяин» не остановился на захвате автомобильного рынка и игры в наперсток, следующим его шагом стала борьба за так называемую «галерку», спекулянтов мелкого и среднего пошиба, действующих в «Гостинном дворе». Всех их Васильев решил обложить «налогом», а кустарей-цеховиков, большими партиями штампующих «импортные» тряпки, заставить работать на себя.

Но сделать это было не так-то просто, не каждый спекулянт согласится делиться своей «чистой» прибылью. Началась настоящая война, и снова в ход пошли кулаки и угрозы. Через две недели мафиози полностью взяли под свой контроль «галерку». Вышли они и на подпольных цеховиков. Цеховики с большей охотой, нежели спекулянты, согласились на сотрудничество с Васильевым. Тот давал им солидные заказы, обеспечивал необходимым сырьем, гарантировал твердую оплату после реализации товара.

Картежники вышли на Васильева сами. Те, кто играет на большие деньги (суммы выигрыша составляют от пяти до пятидесяти тысяч рублей), как правило, деньги с собой не берут, рассчитываются позже. Но картежники — это не спекулянты с «галерки», место тусовок которых всем известно. Картежники обычно собираются на «сходняк» в разных местах. Сегодня в Ленинграде, завтра в Москве, а послезавтра в Крыму.

В мире дельцов привыкли «кидать», «динамить», «ломать» не только «лохов», но и своих ближайших компаньонов. Поэтому, чтобы получить карточный долг, нужна сила. Зная Васильева и его «боевиков», картежники предложили ему войти к ним в долю. Нет, в игре участия он не принимал, его задача заключалась в вышибании с проигравших долгов. И он это успешно делал. Были случаи, когда проигравший приносил долг в чемодане (полмиллиона по карманам не распахнешь), треть которого передавалась Васильеву.

Теперь он уже сам никуда не ездил, руководил по телефону.

— Стрелка двенадцать часов.

Это означало, что в двенадцать часов дня только в известном им месте привезут налог игроки в наперсток.

— Стрелка два часа...

В два — «кинут» очередную машину... Все было расписано действительно по часам. Единственное, что он делал сам, — принимал деньги и передавал товар. Эти «операции» никому не доверял.

Свободного времени у Васильева никогда не было, «стрелка» ни на минуту не останавливала свой бешеный темп. Чтобы в перерыве между звонками не было скучно, ему привозили видеокассеты с западными боевиками и порнографией, а на ночь — очередную проститутку. Жил он скромно: старая обшарпанная мебель, сломанная кровать, в холодильнике — простая вареная колбаса. Только новенький видеомagneтофон «Панасоник» и цветной японский телевизор никак не вписывались в эту убогую обстановку запущенной и грязной квартиры. Впрочем, этот «спартанский» образ жизни объяснялся патологической жадностью хозяина.

Васильева не арестовывали целых два месяца, в то время как все его ближайшие сподвижники уже начали привыкать к тюремному режиму. Брать его было рано, не хватало улик, а улики складывались из показаний свидетелей. Привозят в Управление уголовного розыска уже знакомого нам Зураба Хоперия. «Что можете сказать о Васильеве?» Шамкая беззубым ртом, Хоперия на все лады расхваливает его — отличный парень! Стычка на Энергетиков? Да, приезжали какие-то хулиганы, но Сережа-то здесь при чем?!

Спекулянты с «галерки» и другие дельцы при упоминании фамилии Васильева делали удивленное лицо. Нет, такого они не знают, впервые слышат. Ах, арестованные сами говорят про них? Начинают что-то припоминать, но по-

казания против Васильева давать не будут. Единственное, что волнует всю эту разношерстную публику,— как бы самих не арестовали. Правда, есть такие, кто откровенничает о «подвигах» Васильева, например Дахья. Он многое знает, многое помнит и прекрасно понимает, что события пятилетней давности к делу не пришьешь, доказательств не хватит. Но Дахье терять нечего, получил уже свои пятнадцать лет. Есть и другие, кто может поведать о рэкрете и о «галерке», об автомобильном рынке и о картежниках, назвать десятки фамилий, которых «рихтовали» «боевики» и у кого корежили машины. Для протокола? Боже упаси, для протокола они ничего говорить не будут. Ворон ворону глаз не выклюет. Вообще, весь ход следствия и процесса над Васильевым еще раз показал, что пока наше общество явно недостаточно защищено от дельцов такого типа. Уголовное законодательство, например, не предусматривает наказания за тот же рэкет. Так что не случайно удивлялся Васильев, когда узнал, что милиция «объявила ему войну».

Действительно, «война» с ним шла трудно и с переменным успехом. И далеко не все удалось доказать во время следствия.

Изменили показания многие свидетели и во время суда, не напрасно на всех судебных заседаниях «дежурили» оставшиеся на свободе приятели Васильева. Они умели обрабатывать свидетелей, если к тому же, как говорится, у тех рыльце в пушку. Поэтому к уголовной ответственности — увы! — компанию Васильева привлекли как спекулянтов и мошенников.

По-разному вели себя во время следствия преступники. Васильев, все еще не веря, что его ждет печальная участь, балагурил:

— Мужики, сколько вы в своей милиции получаете? Вы же все нищие! Хотите, я вас к себе на службу возьму, хоть по тысячке иметь будете.

Этот денежный мешок все мерил только деньгами. Этот плохой. Почему? Потому что денег нет и машина плохая, советская. А этот хороший — денег много и «тачка» фирменная. Образовательный ценз Васильева был на уровне пятого класса, о театрах никогда не слышал, газеты и книги не читал — некогда было. Любимая тема разговора — деньги и только деньги. Кто сколько заработал и каким способом урвал свой куш. В своих денежных расходах был до мелочей пунктуален, записывал все до каждой копейки. При обыске у Васильева нашли записку, в которой он подсчитывал свои затраты по индпошиву на период

летней кампании 1987 года. Закупленные им ткани, молнии и фурнитура стоили 110 тысяч рублей.

Одевался Васильев тоже с претензией на оригинальность. На Невский запросто мог выйти в потрепанной «самопальной» куртке и... резиновых по колено сапогах. На допросы в милицию приезжал в простеньких старых брюках и трехрублевой клетчатой рубашке. Зато внизу этого «простого» парня поджидал блестящий никелем «форд».

Все советское он ругал, западное хвалил. Когда сотрудник уголовного розыска Горбачевский спросил, что именно советское ему не нравится, услышал неожиданное: «Все! Все плохо, и все сволочи!»

Откровенный цинизм Васильева поражал. А в выражениях он не стеснялся. Явные факты мошенничества признавал и тут же недовольно добавлял:

— Но я же у спекулянтов машины брал, я жуликов наказывал! А то, что я Ленинград от «черных» очистил, мне за это кто-нибудь спасибо сказал?!

СУДЕБНЫЙ ПРИГОВОР

Преступников приговорили к различным длительным срокам лишения свободы с конфискацией имущества. Суд кончился, но многие неразрешенные вопросы остались. Ведь мафию Васильева породили, если так можно выразиться, наши же собственные порядки, а вернее, беспорядки. Возьмем автомагазин. Золотые изделия, например, купленные тридцать лет назад, человек несет в комиссионный магазин продавать по новой цене, и никто не обвиняет его в спекуляции и нетрудовых доходах. Цены растут, ничего не поделаешь. А вот с оценкой автомашин происходит какая-то неразбериха.

«Волга» ГАЗ-21 ничуть не хуже «Москвича»-2140. Но владелец «Москвича» официально за свою машину может получить около восьми тысяч рублей, а владелец «Волги» не получит и половины. Кому выгодно подобная система оценки? В первую очередь спекулянтам, жуликам и взяточникам из комиссионных автомагазинов. Почти все обманутые автолюбители с удовольствием поставили бы свои машины на обезличенную продажу и сами назначили им цену (как делают владельцы «Жигулей»). Если цена выскока, через каждые пятнадцать дней происходит уценка, как и во всех комиссионных автомагазинах страны. Выиграло бы при таком порядке и государство (нетрудно подсчитать, сколько будет семь процентов с четырех или, например, с десяти тысяч). По этому поводу суд направил

частное определение в адрес Министерства торговли РСФСР и Автотехобслуживания Ленинграда.

Теперь о наперстках. До сих пор нет твердого мнения, что это — азартная игра, фокус или мошенничество? Тот, кто «крутит» наперстки, может точно сказать — мошенничество, не сомневаются в этом и работники милиции. Но личное мнение и официальное заключение — разные понятия. Задержали однажды нигде не работающего игрока в наперстки, изъяли у него четыре тысячи рублей. Оштрафовали на пятьдесят рублей, а тысячи вернули — поступили по закону.

Спекулянты с «галерки» и подпольные цеховики. Теперь им особое раздолье. Закон об индивидуальной трудовой деятельности надежно оградил их от милиции. Подпольные цеховики давно легализировались, открыв кооперативы и накупив патентов, только о своих доходах они по-прежнему умалчивают. Никого не интересует и то, где они берут заводское оборудование, которое не продается. А какие материалы они используют при изготовлении фурнитуры? Все те же — заводские. Спекулянтам прятаться тоже особенно не приходится. Один изготавливает, второй реализует — «кооперативное» разделение труда. Правда, в члены кооператива «реализатор» не вступает, но, если надо, бумажку принесет.

Против картежников тоже единственная санкция — штраф пятьдесят рублей. Согласитесь, такими «строгими» мерами их от этого промысла не отвадишь.

Были у преступников и знакомые среди работников милиции. Иначе как объяснить тот факт, что Васильев никогда нигде не работал, только официально числился банщиком, но зато мог купить десяток машин и оформить их на подставных лиц. Не было у него никогда и водительского удостоверения, а работники ГАИ это обстоятельство почему-то не замечали. Может, огромный «форд» в уличном потоке машин был не таким приметным?

По непонятной причине ГАИ пошло навстречу мошенникам и при оформлении «мерседеса», не стали обременять импортную машину техосмотром. Были у преступников знакомства не только в ГАИ, но и в других территориальных органах милиции. Об этом, кстати, свидетельствует и частное определение суда, направленное в адрес Красногвардейского РУВД о непринятии мер к мошенникам, несмотря на многочисленные заявления граждан.

— В настоящее время органы внутренних дел не могут вести достаточно эффективную борьбу с подобными группами преступников, — говорит заместитель начальника

ГУВД Леноблгорисполкомов генерал-майор милиции Михаил Иванович Михайлов.— Причин тому много. В современных условиях правотворчество отстает от реальной жизни. Увеличивается разрыв в оценке общественной опасности отдельных действий со стороны населения и закона. Существует явное противоречие между оценкой отрицательных явлений с позиций нравственности, социальной справедливости и правовыми нормами.

Простой пример. Множественность цен на один и тот же вид дефицитных товаров позволяет махинаторам извлекать солидные барыши, не нарушая ни одной статьи УК РСФСР. А новые виды жульничества, азартные игры в карты, в наперстки? Закон по этим вопросам четкого и однозначного ответа пока не дает.

В этих условиях необходима правовая норма, направленная против незаконного извлечения нетрудовых доходов в любой форме, так как существующая в настоящее время ответственность за хищение, мошенничество, вымогательство, спекуляцию и другие корыстные преступления не охватывает многообразия форм извлечения нетрудовых доходов в современных условиях. А ведь подобная неясность правовых норм ведет к тому, что некоторые прокуроры заняли перестраховочную позицию, боятся санкционировать арест явных преступников. Гадают, осудит их суд или нет. И конечно, все это мешает делу и наведению должного правопорядка.

Ну а что касается упреков в наш адрес, в том числе и частного определения нарсуда в адрес Красногвардейского РУВД, то руководство ГУВД Леноблгорисполкомов ведет решительную борьбу с нарушителями соцзаконности в органах внутренних дел. Как правило, эти факты вскрывает наш главк и незамедлительно принимает самые жесткие меры. Так что ни себе, ни тем более кому-то мы замазывать глаза не собираемся.

ВАЛЮТЧИКИ

НЕИЗЛЕЧИМАЯ «БОЛЕЗНЬ»

— Второй, второй, я первый, объект на месте, перекрывайте дорогу.

— Я второй, вас понял, перекрываю.

Голубые «Жигули» резко вырулили на шоссе и стремительно рванули вперед — стрелка спидометра показывала 120. Вот и стоянка для иностранных машин. Водитель красных «Жигулей» растерянно оглянулся. Его приятель — невысокий толстенький молодой человек с черными усами и в полосатых широких штанах удивленно хлопал глазами и все время повторял: «Откуда они взялись, я же все проверил?!»

— Милиция! Документы, деньги и вещи на капот!

Оба фарцовщика от неожиданного поворота судьбы все еще находились в шоковом состоянии. Покорно выложили из карманов ключи, паспорта, две толстые пачки денег — в каждой по несколько тысяч. Купленный у иностранца магнитофон «Шарп» так и стоял на капоте красных «Жигулей». Неожиданно толстячок завопил истощенным голосом:

— Только здесь обыскивайте машину, а то потом валюту подложите! Я вас знаю!

К нему приблизился один из сотрудников УБХСС.

— Арам, успокойся.

Фарцовщик удивленно глянул на оперуполномоченного.

— Володя??? А я тебя не узнал! — Толстячок заметно сник и плаксивым голосом затараторил: — Володя, ты же

меня знаешь, я валютой не занимаюсь, только шмотками, вот хотел аппарат для жены купить.

Едем до ближайшего поста ГАИ, составляем соответствующие документы. Водитель красной машины — Виктор Калайда, мастер-строитель Выборгского СПМК, бормочет что-то невнятное. Мол, ехал на станцию техобслуживания колеса отбалансировать. Только вот зачем взял о собой две с половиной тысячи рублей, объяснить не может. Балансировка колес стоит значительно дешевле. Арам Григорьянц, мастер-спасатель Рошинской спасательной станции, наоборот, спокоен и даже весело улыбается. Многих работников УБХСС он уже узнал, встречались не раз, называет их по имени, щедро сыплет комплименты:

— Ну, мужики, вы и даете, грамотно нас взяли! Не ожидал, вот это работа!

Несмотря на свои 25 лет, прожженный фарцовщик Григорьянц прекрасно знает, что, как всегда, отделается штрафом. Ничуть не смущаясь, откровенно рассказывает о сегодняшнем дне.

— Выехали на трассу, у финна за 150 рублей взяли «Шарп».

— А про валюту что раскричался? — спрашивает руководитель группы задержания Ю, Осипов. — Давай разберемся, кто и кому ее подложил?

Григорьянц видит Осипова впервые, панибратский тон сразу меняется на предупредительно-вежливый, даже заискивающий:

— Да нет, что вы, такого никогда не было. Понимаете, там, на стоянке, нервы сдали. А на трассе я больше не покажусь, клянусь вам. Всю жизнь на ней провел, тянет сюда, словно болезнь какая-то. Но я завяжу, клянусь.

Работает Григорьянц по ночам, днем свободен (правда, кого надо спасать — он и сам затрудняется ответить). С начальством отношения отличные. Еще бы — только что продал А. Якунину, начальнику Рошинской спасательной станции, свои новенькие «Жигули» 2106 дешевле госцены. Так что, если и придет «телега» на работу, не страшно.

Григорьянц и Калайда обычные так называемые трасовики. Постоянно выезжают на международную трассу Ленинград — Выборг, останавливают иностранцев и покупают у них всевозможные вещи, а потом перепродают их втридорога. Если удастся, берут валюту, ею заниматься гораздо выгоднее, хотя опаснее. Но пока, как говорится, бог миловал.

Начальник УБХСС ГУВД Леноблгорисполкомов Юрий Осипов уже давно занимается борьбой с валютными сделками. Несмотря на молодость, опыт по этой части у него большой. Вместе со своими товарищами часто задерживает валютчиков в ресторанах, барах, на улицах Ленинграда, но иногда приходится выезжать и на трассу. Ведь все беды для его отделения начинаются именно отсюда.

ИЗ ИСТОРИИ

Само понятие — трассовики — появилось в начале шестидесятых годов, когда поехали через Выборг первые иностранные туристы. Сюда любители легкой наживы приходили пешком, с собой брали пару-другую бутылок водки и рублей 50 денег. Расходились по всей трассе, группами по 20—30 человек скапливались на стоянках для иностранных машин и ждали, пока вдали покажется яркий заграничный автобус. Покупали в основном жвачку, джинсы, рубашки. Доходы от перепродажи подобных мелочей на тот период времени были весьма незначительные — сотня-другая. Постепенно иностранные водители знакомились с завсегдатаями трассы, заводили с ними более тесные контакты. Совершенствовались и трассовики: учили иностранные языки, брали с собой более крупные суммы денег, устраивали в лесах тайники. Стали беспокоить их и работники милиции. Проедутся по трассе, набьют автобус до отказа — и в ближайшее отделение милиции. Но каких-либо действенных мер правоохранительные органы в те годы к фарцовщикам принять не могли. Даже вещи, купленные у иностранцев, приходилось возвращать. Позже вышел закон — за скупку вещей в неположенных местах штраф 10 рублей. Но подобные меры не останавливали фарцовщиков, скорее наоборот. Этот промысел уверенно проник во все крупные города, куда приезжают иностранные туристы, разделился на многочисленные, если так можно выразиться, группы специализации. Одни пристают к иностранцам в гостиницах, другие — у гостиниц на улице. Знакомятся с иностранцами тоже по-разному, для этого у фарцовщиков существуют десятки способов. Трассовики относились к особому контингенту фарцовщиков — к так называемым «сливкам общества». Они первыми вступают в контакт с иностранцами, берут больше товаров и по более дешевой цене, а потом передают приезжих своим городским «коллегам». Дальше как по конвейеру зарубежные гости переходят от «ресторанно-гостиничных» фарцовщиков к «уличным».

Причин много. Это и значительные доходы валютчиков, фарцовщиков и спекулянтов, и несовершенство законодательства, и отсутствие действенных мер борьбы с ними. Постараемся рассказать о каждой из этих причин отдельно.

Некто Андрей Петров, 28 лет, и Павел Барбаш, 27 лет, по кличке Маня, знакомы давно. После армии занялись фарцовкой вплотную, и вскоре каждый из них купил по... три автомашины. С 1985 года они стали выезжать на трассу вдвоем, как говорят работники милиции, — в одном экипаже. Правда, через два года дружному экипажу пришлось расстаться, попались на валютной сделке. Но уголовное дело возбудили только против Петрова, Барбашу — Мане удалось отвертеться. Он прекрасно знал, что его дружок скоро предстанет перед судом, что их промысел рано или поздно приведет на скамью подсудимых. Но через три дня Маня снова был на трассе, только уже на другой машине. Правильно заметил Григорьянц — болезнь. Ведь за последние годы трасса дала Барбашу не только три новые автомашины «Жигули», но и дорогостоящую видео- и радиоаппаратуру, многочисленные гардеробы импортных одеяний, толстую пачку денег и самое главное — непоколебимую уверенность в собственной безнаказанности. Если Арам Григорьянц хоть для приличия клянется, что забудет трассу, то Барбашу не до приличий. Ловите его, доблестные работники милиции, но на трассе он будет каждый день и с поличным его никогда не поймают. По крайней мере так заявляет Барбаш — Маня. Кстати, тот же Григорьянц приехал на трассу на следующий же день после задержания. Штраф — четвертый за этот год — его тоже не вылечил.

Григорьянц, Барбаш, Петров и им подобные всего лишь рядовые трассовики, а есть рыбка покрупнее. Недавно в третий раз сел на скамью подсудимых спекулянт-оптовик Валерий Власов. В обороте у этого человека находились сотни тысяч рублей.

Регулярно появлялся на трассе и скупщик валюты Тараканов. Ведь трассовики стали главными поставщиками валюты для крупных городских дельцов. Не так давно ленинградское телевидение показывало судебный процесс над группой валютчиков: Дахьей, Таракановым, Рогинским и другими. Михаил Дахья, 32 лет, ранее уже судимый за валютные операции, с сентября 1984 года по март 1985 года вместе со своими компаньонами незаконно переме-

стил через Государственную границу СССР товаров и ценностей на 1 миллион 20 тысяч 18 рублей 88 копеек. Валюту, которая шла с трассы, Дахья в основном и использовал в своих махинациях.

Но выбиться на самые «верхи» удастся не каждому. В погоне за призрачным богатством очень многие молодые люди калечат свои судьбы, попадают на скамью подсудимых. Впрочем, проходят через это и те «везунчики», которым удастся урвать приличный куш. Недавно был задержан и самый удачливый валютчик Ленинграда — Александр Иванов, по кличке Бэст. В незапамятные времена он мог выйти на улицу в одних спортивных штанах, занять сорок рублей, а вечером, облачившись в дорожные заграничные одеяния, прогулять в ресторане «заработанные» две тысячи рублей. Приятель и учитель Дахьи и Тараканова, Иванов действительно был до какого-то дня удачливее других. Все-таки в активе две судимости, да и возраст уже обаял, не мальчик, скоро сорок. Но и «счастливчик» Бэст попался с поличным. В его машине обнаружили крупную сумму финских марок и 4279 рублей — его дневную выручку.

Этот перечень можно продолжать до бесконечности.

ОБОРОТНАЯ СТОРОНА МЕДАЛИ

— В геометрической прогрессии растут валютные сделки, фарцовка, проституция, — говорит заместитель начальника УБХСС ГУВД Е. Олейник. — Валютные операции становятся не только самым доходным промыслом, но модным среди молодежи. Средний возраст этих дельцов — двадцать с небольшим. И они развращают других молодых людей. От некоторых работников милиции еще можно услышать, что, мол, валютчики не так страшны, как это кажется, единичные случаи. Глубокое и опасное заблуждение. Если в ближайшее время мы не примем действенных мер, которые позволят покончить с этим явлением, нашей стране будет нанесен непоправимый экономический, моральный и даже политический урон.

Валютные сделки действительно наносят большой экономический урон стране. Валюта, минуя Госбанк, попадает в руки преступников, ведь иностранцы охотно идут им навстречу, так как те платят значительно больше, чем по официальному курсу. Тем самым происходит девальвация рубля, падает его покупательная способность по сравнению с инвалютой даже внутри СССР. Многие иностранцы, которые очень часто бывают в Советском Союзе, тоже

делают на этом бизнес. Контрабандой везут в нашу страну большие партии вещей, валюты. Но если экономический ущерб еще как-то можно подсчитать, то в каких показателях измерить нравственный, моральный урон? Один работник милиции Сестрорецка рассказал мне такую историю. Возвращаются из армии местные ребята, устраиваются работать на завод. Но вот кто-либо из них встречается знакомого, который промышляет на трассе.

— Сколько заколачиваешь? — спрашивает трассовик.

— Две сотни в месяц.

— Поехали завтра со мной, за один день эти рубли получишь.

И парень едет на трассу раз, другой... Таких ребят не единицы, они уже не хотят работать, жаждут легкой и красивой жизни. А чтобы милиция не беспокоила их как тунеядцев, устраиваются сторожами в столовую, как Петров, матросами-спасателями, как Григорьянц, или в баню, как Барбаш. Правда, в бане на улице Марата Барбаша редко можно увидеть, там он скорее числится, чем работает.

Подобное явление несет большое социальное зло, развращает других. Ведь труд этих молодых людей почти ничего не дает обществу. У нас еще, к сожалению, есть такие работы, где надо только сидеть, смотреть и даже спать. Практической пользы от такой работы нет. Ведь, например, те же сторожа, как правило, не материально ответственные лица и в случае кражи ущерб государству не возместят. Они вроде огородного пугала. Если птицы и поклюют урожай, с пугала за это не спросишь. Есть множество и других специальностей, где числиться может один, а работу выполнять другой, по-настоящему нуждающийся в деньгах. Это и должность банщика Барбаша, сторожа Петрова, туалетчика Дахьи. Таким образом получает распространение новый вид паразитизма. По закону такой «работник» ничем не отличается от других — оплачиваемый отпуск, больничный лист, трудовой стаж, пенсия. Только подобные «трудоустроенные» те же бездельники и тунеядцы, вроде Бэста и Власова, которые не желали ни числиться, ни делать вид, что работают. Этот новый вид паразитизма можно даже назвать «законным». Ведь закон охраняет подобных тунеядцев, и правоохранительные органы ничего сделать с ними не могут.

А вообще-то валютчики стараются устроиться поближе к интуристовскому заведению. Кем — не важно, была бы официальная «крыша». И им это удается. В гостиницах и ресторанах любители заграничных купюр чувствуют себя

как дома и своего начальства не бояться. Наоборот, подчас начальство само создает благоприятнейшие условия для валютных махинаций. Многие валютчики — официанты и швейцары — платят своему руководству налог, в два-три раза превышающий их собственную зарплату. Недавно сотрудники УБХСС возбудили ряд уголовных дел против администрации и дирекции некоторых ленинградских ресторанов. Началось все с незаконных валютных сделок, а всплыло взяточничество и коррупция.

Поймать валютчика с поличным — дело нелегкое. С «городскими» проще, с трассовиками сложнее. Не напрасно удивлялся и расточал комплименты Григорьянц, действительно сотрудники УБХСС оказались на высоте. У трассовиков существует целая система «работы» с иностранцами. И самое главное здесь не ловкость и изобретательность — в милиции тоже не дураки работают, — скорость машины.

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ПРОРЕХИ

Помогает валютчикам-фарцовщикам и несовершенство законодательства. Например, сколько ни лови фарцовщика за скупку вещей, он отделяется штрафом. (Правда, сейчас он увеличился до ста рублей.) Но что такое сто рублей для человека, имеющего большие доходы? Укус комара, не больше! А после каждого задержания фарцовщик становится более опытным и осторожным. Если проанализировать данное явление с точки зрения логики и законодательства, то фарцовщик, задержанный более двух раз, — потенциальный спекулянт. Почему более двух? Первый раз он клянется, что вещи покупал для личного пользования (впрочем, он клянется и после сотого). Но после первого задержания с точки зрения закона должна действовать презумпция невиновности. Если доводы человека нельзя опровергнуть другими фактами, ему надо верить. А почему только *потенциальный* спекулянт после второго задержания? Вот здесь уже логика вступает в конфликт с законом. По закону человек признается спекулянтом только тогда, когда доказано, что он перепродал вещь дороже, то есть получил наживу. Когда ловят фарцовщика, он еще ничего не успевает продать, только покупает. И в данной ситуации для него действует палочка-выручалочка — личное пользование. По закону в его действиях (хоть в сотый раз) никакой спекуляции не будет, только скупка. А по логике? Десять штанов сразу не наденешь, и десять магнитофонов сразу слушать не станешь. Фарцовщики берут вещи

только для перепродажи, то есть для спекуляции. Вот и получается замкнутый круг: знаем, видим, но сделать ничего не можем, только оштрафовать. Необходимы показания иностранца, который продавал вещи. Иначе фарцовщик может заявить, что продает вещи по тем же ценам, что и покупает. Абсурд? Возможно, но закон-то не интересуется эмоциями, нужны факты. Когда иностранец покинул пределы Советского Союза, фарцовщик может продавать приобретенный у него товар по любой цене, главного свидетеля уже не найти.

Будет разумно, если в отношении фарцовщиков ввести возрастающее наказание, как по всем видам преступления УК РСФСР. (Ведь увеличили же штраф от 10 до 100 рублей.) Это мнение многих ленинградских юристов. На первый раз достаточно оштрафовать на 100 рублей, на второй, к примеру, уже на тысячу, на третий — конфискация машины, лишение водительских прав или даже лишение свободы. Уверен, подобная мера даст реальные возможности покончить с этим явлением. А то сейчас происходят какие-то странные игры: одни убегают, другие догоняют. Догонят, отпустят, и снова игра продолжается. Странная игра для взрослых людей.

Не все гладко в законодательстве и в отношении валютчиков. Уж, кажется, серьезное преступление, относящееся к разряду государственных, и все-таки... Нет в Уголовном кодексе РСФСР статьи за хранение валюты. Покупать, продавать, совершать иные операции с валютой запрещено, а хранить, значит, можно? Не парадокс ли?! Можно скупать валюту в небольших количествах, за это предусмотрено административное наказание — штраф. Можно скупать валюту случайно и впервые, на этот счет в законе тоже существует снисхождение — лишение свободы условно. Те, кто составлял подобные законы, плохо знают валютчиков, — так считают практические работники милиции. Во-первых, случайностей в валютных сделках не бывает, валюту берут только с определенной целью — перепродать, во-вторых, валютчики, как правило, покупают валюту небольшими партиями, копят ее (кулькуют), а потом реализуют оптовому покупателю вроде Дахьи.

Часто возникают трения и споры работников милиции с представителями прокуратуры, следствия, суда. Не хотят некоторые юристы санкционировать постановление на арест или обыск квартиры валютчика, не хотят лишать его свободы на время следствия. Словно у каждого из этих ведомств разные задачи.

В последнее время в адрес прокуратуры и суда было

высказано много нареканий по поводу слишком жестких и даже в некоторых случаях необоснованных наказаний. Кто-то правильно понял критику в свой адрес, а кто-то нет. Раз нужны мягкие наказания — пожалуйста. Подобная «перестройка» правоохранительных органов валютчикам понравилась.

Некто Виктор Балан был задержан за скупку у финна вещей на инвалюту — есть и такой вид промысла. Балан признался в незаконной валютной сделке, подтвердили это финн и его жена. Работники УБХСС больше года «охотились» за Баланом, человеком в мире валютчиков известным. И вот наконец поймали. Но вскоре Балан изменил показания. Оказывается, он покупал вещи у финна на рубли, а не на инвалюту. Подтвердили это и новые «свидетели» — сожительница Балана и его закадычный дружок-фарцовщик. (Кстати, у финна при досмотре не нашли ни одной единицы советских денег.) Но адвокат и новые «свидетели» упорно гнули свое — валюту подложила милиция. Знакомая фраза, не правда ли? Суд оказался в тупике. Показания понятых, дружинников, сотрудников УБХСС, не говоря уже о финне и его жене, были взяты под сомнение. В итоге матерый валютчик получил условное наказание, и сейчас его персону снова можно встретить у гостиницы «Европейская». Что он там делает, лучше спросить у самого Балана.

А ведь в законе ясно сказано, в каких случаях применяется арест подследственного до суда: если совершено тяжкое преступление и задержанный может скрыться, если подследственный может совершить другое преступление или мешать следствию.

Когда работники милиции взяли с поличным изрядно всем надоевшего Бэста, казалось, можно вздохнуть свободно. Но не тут-то было. Сперва сотрудники милиции не могли добиться его ареста. Поэтому Иванов взялся за «обработку» двух свидетельниц, которые случайно оказались на месте совершения им валютной сделки. Впрочем, обрабатывать их в том понятии, в котором подразумевает читатель, он не собирался. Резюме преступника было коротким — найду, убью! Но он их не нашел, работники УБХСС настояли на его изоляции. Рассказывает Юрий Осипов: «Неожиданно ко мне приходят две свидетельницы по его делу и говорят, что они не будут давать против Иванова показания. Пытаюсь разобраться, в чем дело. Оказывается, в зале судебного заседания адвокат при всех спрашивает их место работы, жительства. Сам Иванов на скамье подсудимых, но в зале полно его дружков.

И если эта «честная» компания нанесет визит свидетелям, то как бы действительно Бэст не превратился в невинную жертву. От своих показаний свидетели откажутся, визитеры этого легко добьются. А виноваты будем мы, не смогли найти «нормальных» свидетелей. А то чего доброго и перед Ивановым извиняться придется».

Зачем спрашивать в суде фамилию, место работы, жительства? Закон требует. А кому нужен такой закон, если он не защищает интересы людей, справедливость? Например, в законодательстве США недавно принята дополнительная мера по охране жизни и интересов свидетелей, дающих показания против мафии. Свидетель может сменить имя и место жительства. Причем все эти сведения хранятся в строгой тайне и охраняются законом. Новая мера уже принесла ошеломляющие результаты в борьбе с мафией.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НЮАНСЫ

Но существуют не только чисто юридические проблемы и трудности. Валютно-фарцовочная деятельность тесно связана с экономикой. Наша легкая промышленность, мягко говоря, уступает западной. Люди хотят купить более красивое, более качественное изделие, и это вполне понятное желание. Пока мы будем выпускать безвкусный ширпотреб, спрос на заграничные изделия не упадет. Соответственно останутся спекулянты, валютчики и фарцовщики.

А выход найти можно. Знакомый директор текстильной фабрики как-то сказал: «Если нашу легкую промышленность поставить в жесткие рамки спроса — предложения, если зарплата директора будет напрямую зависеть от реализации продукции (можешь 60 рублей заработать, а можешь и 600), то завтра же все увидят на прилавках магазинов вещи, ничуть не уступающие заграничным».

МИЛИЦЕЙСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Однoboкo кoснулacь перестройкa работнико в милиции, которые занимаютcя борьбoй с валютными сделкaми и фарцовкoй. Трeбoвaть с них стали больше, а o реaльнoй помощи почему-тo никтo не пoзaбoтился. Люди привыкли, чтo нaшa советскaя милиция вceгдa нa высoтe, тaкoй примитивный стереотип создали многочислeнные телесериaлы-детективы. A этo дaлeкo нe тaк. Чтo кaсaeтся валютчикoв, тo нeкoтoрые сравнeния бyдут нe в пoльзу милиции. Оперативные мaшины стaрые, с «лысoй» резинoй, с дaвнo исчерпaнным мoтoресурсoм. Автoтрaнcпoрт валютчикoв, кoтoрый, кстaти, oбoрyдoвyют дaжe рaдиoстaнцийeй, ни в кaкoe

сравнение не идет. Жесткий лимит бензина на служебную машину, а валютчики никаким лимитом не скованы. А сколько месяцев простаивают на ремонте милицмейские машины и сколько вообще на эти многочисленные ремонты выкидывается денег — не одну новую можно купить! Но у каждого ведомства, в том числе и у милиции, существует разнарядка на автотранспорт, на срок эксплуатации. Сейчас МВД СССР увеличило этот срок с 2 до 5 лет. Трассовики больше года машиной не пользуются — не та маневренность и не те ходовые качества. А работники милиции, значит, могут обойтись и старой. И даже этих старых машин тоже не хватает. Конкретный пример: в 1982 году для спецгрупп по борьбе с валютчиками и фарцовщиками Ленинграда и области было выделено 14 легковых машин. Сейчас их осталось всего три на 260 километров международной трассы. Из 5 машин, обслуживающих Выборгское направление — одно из самых тяжелых, — осталась всего одна. Спрашивается, куда делись остальные? Разошлись по областному начальству, бесследно исчезли в ремзонах. А пешком даже при большом энтузиазме много валютчиков не поймает. Когда технический прогресс на стороне преступности, никакие дедушкины методы в борьбе с ней не помогут.

А ведь проблему с транспортом — самую болезненную — решить можно. Обратимся к опыту наших друзей из ГДР. Каждому оперативному сотруднику дается скидка на покупку легковой автомашины, которую он использует в интересах работы, оплачивается ремонт, бензин. А разве нельзя это сделать и в нашей стране?

Теперь что касается отчетности, показателей борьбы с валютчиками. Сотрудник ОБХСС считается хорошим, если он из года в год ловит большее количество валютчиков. Но есть крупные, а есть мелкие преступники. Один Дахья перевесит сотню других своих «коллег» по бизнесу. Можно поймать одного такого, как он, тем самым принести большую пользу государству, и быть плохим оперативником, а можно поймать десяток мелких, но быть в числе лучших. Отсюда стремление давать «вал». Есть и другие негативные стороны у подобной отчетности. В один год можно поймать 20 валютчиков, в другой — 100. Но если оперативник знает, что такое отчетность и показатели, он не будет ловить эту сотню. Ведь не исключено, что на следующий год он не поймает и 20. Поэтому он будет постепенно увеличивать «свой» показатель: в 1987 году — 25, в 1988-м — 30, в 1989-м — 35 и так далее. Нужна ли такая отчетность, поможет она делу? Сомневаюсь.

ВОПРОС ОСТАЕТСЯ ОТКРЫТЫМ

Если подвести своеобразный дебет-кредит, то мы увидим, что валютно-фарцовочное явление несет с собой большое количество опасных рифов и подводных камней. Оно больно бьет по многим сторонам нашей жизни: экономике, морали, политике, социальной справедливости и даже престижу Советского государства. Ведь некоторые заграничные гости, столкнувшись в нашей стране с проституцией, попрошайничеством, с валютными дельцами, получают неправильное представление о советском строе и системе социализма в целом. Не теряются и западные спецслужбы, которые неустанно выискивают среди тех, кто липнет ко всему иностранному, своих потенциальных союзников, готовых за 30 заморских сребреников оклеветать и продать Родину.

Можно много говорить и писать о наших недостатках, проблемах. Но если дальше разговоров дело не идет, то грош цена нашим словам. Хочется напомнить, что каждый год только через ОКПП «Выборг» г. Ленинграда в нашу страну приезжает более одного миллиона иностранных туристов, проходит 800 тысяч автомашин из 126 стран. А сколько зарубежных туристов приезжает всего в СССР через Прибалтику, Западную Украину, Белоруссию, Дальний Восток! Так что вопрос пока остается открытым.

ЭКЗАМЕН

Однажды на учебных сборах следователей мне было предложено поделиться опытом расследования запутанного уголовного дела. Я выступил, ответил на вопросы, и вдруг кто-то из моих молодых коллег попросил рассказать о трудностях, с которыми мне пришлось столкнуться в самом начале следственной работы. Просьба эта была неожиданной, необыкновенной, она воскресила в памяти историю, сыгравшую в моей жизни немаловажную роль, и я поведал о ней моим слушателям...

В конце сороковых годов, будучи студентом университета, я проходил практику в следственном отделе Управления Краснознаменной ленинградской милиции, размещавшегося тогда в левом крыле здания Главного штаба на Дворцовой площади. Собственно, практика уже заканчивалась. Я мог со спокойной совестью записать в свой отчет участие в многочисленных следственных действиях, которые по многотомному хозяйственному делу проводил мой наставник — старший следователь Катков, однако без самостоятельного расследования хотя бы одного дела программа практики все равно считалась бы невыполненной.

Много раз я напоминал об этом Каткову, а тот все отмахивался: «Потом, потом, сейчас некогда. Большое дело за месяц не кончишь, а на маленькое двух-трех дней хватит». Тянул, тянул и дотянул. Когда от месяца нашей совместной работы оставалось всего три дня, я сказал наставнику, что не уйду домой, пока не получу возможность выполнить требования программы полностью. Такая поста-

новка вопроса возымела действие. Катков пообещал подобрать что-нибудь попроще и куда-то исчез.

Через некоторое время он появился, бросил на стол несколько сколотых скрепкой листков, сел, закурил и сказал:

— Меня вызывают в Москву, на пару дней. Вот тебе свежее дело. Вчера на рынке задержали старуху. Промышляла шитьем и продажей детских пальтишек без разрешения финансовых органов. Изъято четыре штуки, одно продала. Допроси ее, покупателя, понятых, возьми характеристику в жилконторе, предъяви обвинение и строчи обвинительное заключение. Приеду — отправим в суд. Не забудь машинку забрать и смотри — не мудрствуй лукаво! Дело ясное, я бы его за три часа прихлопнул, а у тебя в запасе три дня. Вот так хватит!

Катков провел ребром ладони по шее, как бы подчеркивая этим выразительным жестом свою правоту, и улыбнулся:

— Что? Трусишь? Не трусь... Или я зря тебя натаскивал? Действуй, как учили. Понял?

Каждое слово я воспринимал как закон... Еще месяц назад, когда состоялось наше знакомство, Катков произвел на меня впечатление не очень далекого, несколько сухого, даже грубоватого человека, но стоило поездить с ним на внезапные утренние обыски, поприсутствовать на горячих допросах, понаблюдать за его работой с документами, как от первого впечатления не осталось и следа. Катков все делал четко, экономно, напористо и целеустремленно. Иногда он, правда, спешил и в этой спешке мог рубануть, как говорится, сплеча, но кто виноват, что иные так называемые честные граждане вдруг начинали вести себя на следствии хуже преступников, а руководители некоторых учреждений проявляли куда меньшую дисциплинированность, чем их подчиненные? Словом, вскоре Катков стал для меня почти богом, следственным богом, конечно.

Теперь этот бог сидел передо мной, давая последние указания. Немолодой, скуластый, пронзительно голубоглазый, он был облачен в синий, затертый до блеска, готовый треснуть по швам костюм и белую рубашку, перехваченную по вороту черным галстуком. У него, недавно прошедшего через войну, не было высшего юридического образования, но отсутствие диплома компенсировал опыт, накопленный за несколько лет тяжелейшей работы.

— И еще один совет, — сказал на прощание бог, — если старуха начнет крутить, не церемонься. Состав преступле-

ния палицо, возьми санкцию на арест, и — в тюрьму. Там быстро опомнится!

После его ухода я познакомился с делом, набросал план расследования и перед тем, как покинуть кабинет, направил к Солдатенковой (так именовали старуху) милиционера с повесткой.

Утром она пришла, тихо приблизилась к столу, подала паспорт. Это была невысокая сутулая женщина с одутловатым, изрезанным морщинами лицом, одетая совсем не по-летнему: в теплый головной платок, зеленый прорезиненный плащ и суконные боты. Выглядела она лет на шестьдесят, хотя в действительности ей только что исполнилось сорок четыре.

Окинув ее взглядом, я подумал: «Прибедняется! У самой небось дома все простыни хрустящими червонцами переложены!», заполнил анкетную часть протокола и пошел в наступление:

— На допросе вы обязаны говорить только правду и ничего не скрывать. Вам это понятно?

— Понятно... — ответила Солдатенкова.

— Ваша судьба зависит от вас самой. Начнете влиять, путать — чего вы добьетесь? Только раскаяние может смягчить вашу вину!

«Старуха» молча перебирала ручки хозяйственной сумки, поглядывая то на меня, то на портрет Дзержинского, висевший над моей головой.

— Не забывайте о том, что вы взяты с поличным! — напомнил я ей. — Рассказывайте — как и когда вы стали заниматься кустарным промыслом, было ли у вас разрешение, где брали материал, какой барыш имели? И не тяните время, все равно придется отвечать!

Солдатенкова по-прежнему молчала. Я решил ускорить развитие событий, вытащил из-под стола сверток с вещественными доказательствами и начал его разворачивать: ничего, сейчас заговоришь! «Старуха» заерзала на стуле, на ее лице появилась и тут же исчезла виноватая улыбка, глаза вдруг стали стеклянными, голова упала на грудь, а тело обмякло. Я испугался, схватил Солдатенкову за плечи, чтобы удержать от падения, и в этот момент в кабинет заглянул один из сослуживцев Каткова. Оценив обстановку, он сбегал за нашатырем, вызвал «скорую», открыл окно. Через несколько секунд Солдатенкова пришла в себя.

— Извините... Я доставила вам беспокойство, — едва слышно сказала она. — Не ожидала, что схватит здесь...

Потом появился врач. Он оказал ей необходимую помощь и объявил:

— Нужно госпитализировать...

Я не знал, что ему ответить: все мои планы рушились, мне казалось, что спасти их уже не удастся. Видя мое замешательство, врач подошел к телефонному аппарату и стал вызывать санитарный транспорт. «Старуха» поначалу отнеслась к этому безразлично, но вскоре сочувственно, да, именно сочувственно, посмотрела на меня и сказала:

— Не надо... Бесполезно... Отпустите домой... Отдыху немного... Там видно будет...

Когда Солдатенкова ушла, я приступил к осмотру пальтишек. Не скрою — их вид показался мне странным: из черного грубого материала, во многих местах потертые, с непомерно большими пуговицами, нашитыми на заштопанные петли, они никак не походили на вещи, которые могли стать предметом купли-продажи.

— Сделаны из перелицованного старья, — сказала одна из присутствовавших при осмотре женщин, — и к тому же человеком, никогда не занимавшимся шитьем. Сомневаюсь, чтобы кто-нибудь купил такое пальто для ребенка...

Протокол осмотра вещественных доказательств получился длинным и нудным. Зачитывая его понятию, я думал о том, что расследование помимо моей воли пошло совсем в иное, непредвиденном направлении, что не будь дела, я, наверное, не стал бы тратить бумагу на описание всего убожества, вернул бы «старухе» тряпки и извинился перед ней.

Вместе с тем я знал: жалость — плохой советчик, а первые впечатления — не основа для каких-либо выводов. Ведь не мог же Катков, с его опытом, допустить ошибку! Значит, надо копнуть глубже. «Старуха», возможно, занималась шитьем и раньше, и не исключено, что она не такая уж бедная, какой представляется. Не сделать ли у нее перед повторным допросом обыск? Машинку-то все равно надо изымать...

Вечером я получил санкцию у прокурора, а с началом рабочего дня поехал на Лиговку, где жила Солдатенкова.

К моему появлению она отнеслась спокойно, пригласила вместе с понятием в комнату и, прочитав постановление, сказала:

— Пожалуйста, обыскивайте...

Я разъяснил присутствовавшим их права и обязанности и осмотрелся. В центре комнаты стоял покрытый клеенкой стол с четырьмя венскими стульями, к правой стене примыкала железная кровать, застланная серым солдатским одеялом, а к левой — тумбочка с посудой, старомодный платяной шкаф и табуретка, на которой я сразу заме-

тил потемневшую от времени зингеровскую швейную машинку.

— Прошу выдать деньги и ценности, материал, крой, готовые изделия! — потребовал я.

Солдатенкова подошла к двери, подняла с пола сумку, ту самую, с которой была на допросе, достала из нее довольно пухлый кошелек и вытряхнула на стол его содержимое: связку ключей и два рубля с мелочью...

— Все мои сбережения, — не без иронии заявила она. — Если нужно, берите...

Понятые, сосредоточенно наблюдавшие за моими действиями, переглянулись.

— Сядьте у стола и не отходите от него, пока не закончится обыск, — сказал я «старухе» и двинулся вдоль левой стены. Я осмотрел стол с посудой, заглянул в платяной шкаф. В нем на перекладине висели: зеленый прорезиненный плащ, поношенное демисезонное пальто, старенькая шерстяная кофта, две юбки и платье. Внизу, в ящике, лежали стопки пожелтевших от времени простынь, наволочек и нательного белья, а под ним — допотопный плюснутый ридикюль с документами.

Роясь в шкафу, я периодически поглядывал на Солдатенкову. Неприятная процедура обыска как будто не трогала ее. Она сидела, сложив руки на коленях, опустив голову, и думала о чем-то своем.

Я осмотрел паяную-перепаяную машинку, а из-под табуретки, на которой она стояла, вытащил узел. В нем оказались обрезки сукна, приклада, отпоротые карманы и воротники.

Испытывая жгучее чувство стыда, я сел за стол, кое-как оформил протокол обыска и отпустил понятых. Оставалось допросить «старуху». Я поинтересовался, способна ли она давать показания, и поставил перед ней те вопросы, которые остались невыясненными накануне. На этот раз я задал их спокойно, без нажима.

— В милиции, когда меня взяли, я рассказала правду, — ответила Солдатенкова. — На барахолке купила старые пальто, распорол и сшила детские. Получилось сами видели как. Раньше не шила. За старье заплатила пятьдесят рублей, детские пальтишки хотела продать рублей по двадцать пять.

— Что вас заставило пойти на это? — спросил я.

Солдатенкова вздохнула:

— До войны я работала в колхозе. В сорок первом бежала от немцев в Ленинград, устроилась посудомойкой в воинскую часть, потому, наверное, и выжила. Только здо-

ровья не стало. Начались приступы. Легла в госпиталь, что на Суворовском, там подлечили немного, когда вышла — опять одолели... Нанялась ночным сторожем, надеялась — обойдется. Зря надеялась. Чужие люди «скорую» вызывали... Теперь вот уже месяц сижу без дела, а жить-то надо...

— Вы можете чем-нибудь подтвердить свое заболевание? — задаю я последний вопрос.

«Старуха» порылась в шкафу и, вынув ридикюль, высыпала из него на стол ворох ветхих бумажек:

— Надо поискать здесь...

Я разворачивал бумаги одну за другой... Справка сельсовета о рождении, справка об образовании, выписки из приказов с объявлением посудомойке Солдатенковой благодарностей, Почетная грамота... Я вспомнил, с какими мыслями шел сюда, как искал в этом потрепанном ридикюле деньги и ценности, и мне опять стало не по себе.

Я ушел от Солдатенковой вечером и унес с собой не машинку, а справки о болезни и выписки из приказов. Мне было ясно, что судить ее не придется. Но согласится ли с этим Катков? Помня его установки, я с тревогой думал о встрече с ним, и, как оказалось, не напрасно.

На следующий день Катков появился на службе с небольшим опозданием, довольный результатами своей поездки в Москву.

— Ну, как твои успехи? — спросил он, взял дело и стал читать. Через минуту, просмотрев его наполовину, Катков процедил сквозь зубы:

— Обморок, тряпье, два рубля с мелочью, старые выписки приказов. Зачем все это?.. Осудили бы за милую душу.. А теперь что? Придется переделывать...

— Не буду, — ответил я.

— Это почему же? — возмутился Катков, и на его скулах заходили желваки.

— Потому, что я вел следствие как положено... и считаю, что дело должно быть прекращено.

— Уже и судить нельзя! — взорвался мой наставник. — Это преступницу-то, пойманную с поличным! Ты что, спятил?!

— Закон предусматривает случаи, — сказал я, — когда содеянное вроде бы и содержит признаки преступления, но фактически не может быть признано преступным...

— Тоже мне, законник нашелся! — в ярости закричал Катков. — Хватит умничать! Я дал тебе плевое дело, плево-е, иначе не назовешь, а ты его испоганил! Я тебе такой отзыв дам — всю жизнь будешь помнить!

Он схватил дело и, хлопнув дверью, ушел. В кабинет заглянул мой однокурсник Гусько, позвал обедать. По пути в столовую я рассказал ему о конфликте.

— В общем-то ты прав, штампы в этой работе недопустимы,— ответил тот и подлил масла в огонь: — Только зачем ты полез на рожон, осложнил отношения? Делал бы так, как хотел Катков! Что тебе эта старуха?

После обеда Катков вернулся, но до конца рабочего дня не проронил ни слова. Впервые я почувствовал себя чужим, ненужным здесь человеком, домой уехал раньше обычного, а по дороге вспоминал, с каким нетерпением ждал начала практики и встречи с живым, настоящим следователем, как волновался, когда входил в управление милиции через подъезд, где в 1918 году был убит первый председатель Петроградской ЧК Урицкий...

Ночью мне не спалось. Из головы не выходили вопросы: «Что я сделал плохого? Где ошибся?» Они оставались безответными. К утру я задремал, и приснилось мне, будто вышел я белой ночью к Дворцовому мосту, а он разведен! По светлой глади Невы беззвучно скользят к заливу огромные баржи, плавучие краны. Им тесно: мешают гранитные быки, стальные, застывшие в небе пролеты. Кажется, вот-вот произойдет столкновение, и тогда!.. А на другом берегу, у Кунсткамеры, стоит и приветливо машет мне рукой университетский руководитель практики — преподаватель Смородкин...

Еще во сне я подумал, что нашел наконец-то выход из создавшегося положения, а утром, глотнув крепкого чая, поехал не к Каткову, а на факультет. Там я нашел Смородкина и изложил ему суть своих расхождений с наставником.

Через неделю преподаватель вызвал меня в деканат.

— Вы не разочаровались в выборе будущей профессии? — спросил он и, заметив тревогу в моих глазах, добавил: — Я прочитал дело. Ваша позиция правильная.

Однако окончательно я успокоился после того, как из управления милиции пришел отзыв и тот же Смородкин сказал:

— Вы выдержали сложный экзамен. Вашу старуху больше тревожить не будут.

Помню, мне очень захотелось ответить ему стихами Константина Симонова: «Ничто нас в жизни не может вышибить из седла!», но я не сделал этого, потому что в седле удержался тогда впервые...

ЮРИДИЧЕСКАЯ КОНСУЛЬТАЦИЯ

На вопрос отвечает кандидат юридических наук А. Н. Коржов

Вопрос: Еще нередки случаи нападения преступника на гражданина. Что может предпринять гражданин для защиты своей личности, своих интересов или личности и прав других граждан?

Ответ: Для защиты своей личности, своих интересов либо личности и прав других граждан от преступного посягательства любой человек может воспользоваться правом на необходимую оборону. Тем более что у потерпевшего зачастую нет возможности обратиться за помощью к другим гражданам, сотрудникам милиции из-за их отсутствия поблизости в данный момент.

Рассмотрим, что означает необходимая оборона.

Необходимая оборона — это правомерная защита от общественно опасного посягательства путем причинения вреда нападающему.

В ст. 13 Уголовного кодекса РСФСР (ст. 13 «Основ уголовного законодательства СССР») указано: «...не является преступлением действие, хотя и подпадающее под признаки деяния, предусмотренного Особенной частью настоящего Кодекса, но совершенное в состоянии необходимой обороны, то есть при защите интересов Советского государства, общественных интересов, личности или прав обороняющегося или другого лица от общественно опасного посягательства путем причинения посягающему вреда, если при этом не было допущено превышения пределов необходимой обороны».

Осуществление акта необходимой обороны — субъективное право советского гражданина. На гражданах не лежит правовая обязанность осуществлять акт обороны. Каждый может использовать свое право на защиту, но может и уклониться от его осуществления. Однако в определенных ситуациях оборона от преступного посягательства может являться моральной обязанностью, общественным долгом гражданина. Невыполнение этой обязанности со стороны отдельных лиц вызывает законное возмущение нашей общественности.

В одном из поселков Архангельской области произошел следующий случай.

Бобков, ранее трижды судимый, находясь в нетрезвом состоянии в общегитии, подверг жесточайшему избиению свою сожительницу Лисину, которая была беременна. Это произошло вечером, в общегитии было много народу. Проживавшие там граждане слышали, как Лисина кричала, просила пощадить ее и ребенка, но никто не пришел ей на помощь. Бобков нанес Лисиной множественные повреждения, от которых она скончалась.

Подобного рода факты трусости особенно нетерпимы на фоне многочисленных примеров героизма советских людей, проявляющих мужество и самоотверженность в схватке с преступниками.

Следует иметь в виду, что на определенной категории лиц в ряде случаев лежит не только моральная, но и правовая обязанность обороняться от происходящего нападения. К числу таких лиц относятся сотрудники милиции, военнослужащие, работники вневедомственной охраны, инкассаторы и др. Осуществление акта необходимой обороны со стороны этих лиц, как правило, является их служебным долгом. Отказ от обороны в подобных случаях сам может заключать в себе состав преступления (например, должностной халатности) или дисциплинарного проступка (см.: *Побегайло Э. Ф., Ревин В. П.* Необходимая оборона и задержание преступника в деятельности органов внутренних дел. М., 1987).

Как отмечается в постановлении пленума Верховного суда СССР от 16 августа 1984 года № 14 «О применении судами законодательства, обеспечивающего право на необходимую оборону от общественно опасных посягательств», «...право на необходимую оборону... является важной гарантией реализации конституционных положений о неприкосновенности личности, жилища и имущества граждан, обеспечивает условия для выполнения гражданами их конституционного долга по охране социалистической собственности, государственных и общественных интересов» (Бюллетень Верховного суда СССР, 1984, № 5, с. 9).

Вместе с тем следует иметь в виду, что необходимая оборона признается правомерной лишь в том случае, когда она соответствует ряду определенных условий, относящихся как к посягательству преступника, так и к защите. Если не соблюдено хотя бы одно из этих условий, акт защиты уже перестает быть общественно полезным и может повлечь за собой уголовную ответственность тех, кто неверно использовал необходимую оборону.

Условия правомерности акта необходимой обороны, относящиеся к посягательству, сводятся к следующему:

1. Посягательство должно быть объективно общественно опасным. Только общественно опасное посягательство, выражающееся в нападении на правоохраняемые интересы, порождает право на оборону.

Сидоров систематически пьянствовал, устраивал в доме скандалы, истязал жену. Как-то вечером Сидоров, будучи в нетрезвом состоянии, беспричинно пристал к жене, стал ее избивать и глумиться над ней, заставлял ее пить помой, а когда она отказалась, взял металлический стержень и, накалив его, стал причинять жене ожоги, потом повалил ее на пол и продолжал избивание. Затем Сидоров заявил, что заколет жену, и протянул руку за отверткой. В этот момент женщина, изловчившись, схватила лежавший в комнате топор и несколько раз ударила им мужа по голове. От рубленых ран он вскоре умер в больнице.

Прокуратура города, производившая расследование по данному делу, обоснованно признала, что Нина Сидорова действовала в состоянии необходимой обороны при защите своей жизни от общественно опасного посягательства, не превысив ее пределов, и на основании п. 2 ст. 5 УПК РСФСР прекратила дело производством.

Под общественно опасным посягательством, защита от которого допустима в пределах ст. 13 УК РСФСР, следует понимать деяние, предусмотренное Особенной частью Уголовного кодекса, независимо от того, привлечено ли лицо, его совершившее, к уголовной ответственности или освобождено от нее в связи с невменяемостью, недостижением возраста уголовной ответственности или по другим основаниям.

Таким образом, в большинстве ситуаций для возникновения состояния необходимой обороны требуется, чтобы посягательство было преступным или воспринималось как общественно опасное по своим объективным признакам.

Не исключается необходимая оборона и от общественно опасного посягательства душевнобольного или малолетнего.

Бежавший из психиатрической больницы Семин, преследуя гражданку Кравцову, пытался нанести ей железным прутом удар по голове. Оказавшийся в это время на месте происшествия член добровольной народной дружины А. С. Никитин предотвратил убийство, ранив руку нападающего ударом деревянного бруса.

2. Посягательство должно быть наличным, т. е. начавшимся (или близким к началу) и еще не окончившимся.

Наличным признается такое посягательство, которое уже начало осуществляться или непосредственная угроза осуществления которого была настолько очевидной, что было ясно, что посягательство может тотчас же немедленно произойти. Непринятие предупредительных мер в таких случаях ставит лицо перед явной, непосредственной и неотвратимой опасностью. Образно и не без иронии об этом говорили еще Воинские артикулы Петра: «...не должен есть от соперника себе первого удара ожидать, ибо через такой первый удар может тако учиниться, что и противить-ся весьма забудет».

В постановлении пленума Верховного суда СССР от 16 августа 1984 г. № 14 «О практике применения судами законодательства о необходимой обороне» указывается, что «состояние необходимой обороны наступает не только в самый момент общественно опасного посягательства, но и при наличии реальной угрозы нападения».

Глубокой ночью семидесятитрехлетний Валеев и его сожительница Петрова были разбужены громким стуком в дверь. Стучал Примаков. Он был в нетрезвом состоянии и требовал показать ему дорогу в районный центр. Примаков был известен окружающим как отпетый хулиган. Ранее был судим, нигде не работал, с семьей не жил, систематически пьянствовал, нарушал общественный порядок, избивал свою престарелую мать, требуя от нее деньги на водку. Зная буйный нрав Примакова, Валеев отказался открыть дверь и выйти из дома. Тогда Примаков, угрожая Валееву убийством, выставил в оконной раме стекло и попытался влезть в дом. На просьбу Петровой пощадить их Примаков заявил: «Тебя не трону, а деда убью!» После предупреждения отойти от окна, не возмевшего на Примакова никакого действия, Валеев выстрелил в него из охотничьего ружья и убил. Исходя из того, что действия Примакова, угрожавшего Валееву убийством и пытавшегося силой проникнуть в дом, создавали непосредственную опасность для жизни находящихся там лиц, районная прокуратура признала, что Валеев действовал в состоянии необходимой обороны, и дело по факту смерти Примакова, последовавшей после выстрела оборонявшегося, производством прекратила.

Против посягательства, которое не является наличным, а возможно лишь в будущем, естественно, нельзя применять необходимую оборону.

Посягательство не является наличным в тех случаях, когда оно закончилось и опасность уже не угрожает. Момент фактического окончания общественно опасного посягательства является конечным моментом необходимой обороны.

3. Посягательство должно быть действительным (реальным), а не мнимым, существующим в объективной действительности, а не только в воображении защищающегося.

Признак действительности нападения позволяет провести разграничение между необходимой обороной и мнимой обороной. Мнимая оборона — это оборона против воображаемого, кажущегося, но в действительности не существовавшего посягательства. Юридические последствия мнимой обороны определяются по общим правилам о так называемой фактической ошибке. При решении этого вопроса возможны два основных варианта:

1. Если фактическая ошибка исключает умысел и неосторожность, то устраняется и уголовная ответственность за действия,

совершенные в состоянии мнимой обороны. В таких случаях лицо не только не сознаёт, но по обстоятельствам дела не должно и не могло сознавать, что общественно опасного посягательства нет. Налицо случай (казус).

Пленум Верховного суда в постановлении от 16 августа 1984 г. № 14 указал, что мнимая оборона может исключать уголовную ответственность «в тех случаях, когда обстановка происшествия давала основание полагать, что совершается реальное посягательство, а лицо, применившее средства защиты, не сознавало и не могло сознавать ошибочность своего предположения».

2. Если при мнимой обороне лицо, причиняющее вред мнимому посягателю, не сознавало, что в действительности посягательства нет, добросовестно заблуждаясь в оценке сложившейся обстановки, но по обстоятельствам дела должно было и могло сознавать это, ответственность за причиненный вред наступает как за неосторожное преступление. При более внимательном отношении к создавшейся ситуации субъект мог бы не допустить ошибки и прийти к правильному выводу об отсутствии реальной опасности.

Шестидесятидвухлетний Максимов поздно вечером вместе с женой находился в будке для охраны магазина сельпо. Неожиданно около магазина остановилась автомашина, из которой вышел и направился к магазину находившийся в состоянии сильного опьянения Денисенко. Незадолго до этого заведующая магазином сообщила сторожам, что у нее украли ключи от магазина и склада, и просила их повысить бдительность. Появление незнакомого человека у магазина встревожило Максимова, и он окликнул его, потом еще и еще раз, но Денисенко не реагировал. Тогда Максимов сделал предупредительный выстрел из ружья. Поскольку и после этого Денисенко, ничего не говоря и держа правую руку в кармане, продолжал приближаться к магазину, Максимов ошибочно воспринял это как реальную угрозу нападения и с близкого расстояния произвел в него выстрел. От полученных ранений в голову и грудную клетку Денисенко тут же скончался. Максимов ошибочно полагал, что обороняется от нападения преступника. Однако, по обстоятельствам дела, он должен был и мог предвидеть, что в действительности ему не угрожает реальная опасность. Именно поэтому он и был осужден за неосторожное убийство.

Условия правомерности акта необходимой обороны, относящиеся к защите, сводятся к следующему:

1. Допускается защита не только собственных интересов обороняющегося, но и государственных и общественных интересов, а также интересов других лиц. Такой круг объектов защиты определен в ст. 13 УК РСФСР.

Следует специально подчеркнуть, что защита интересов дру-

гих лиц допустима независимо от их согласия на оказание помощи. Каждый человек по собственной инициативе может отражать общественно опасные посягательства на личность и права других граждан.

2. Защита осуществляется путем причинения вреда посягающему, а не третьим лицам. Причинение вреда непричастным к посягательству людям не подпадает под понятие необходимой обороны.

Исаков, обороняясь от группы преследовавших его хулиганов, бросил в них камень, но попал им в постороннего гражданина, причинив ему тяжкие телесные повреждения. Исаков был осужден по ст. 98 УК Молдавской ССР, предусматривающей ответственность за причинение тяжкого телесного повреждения при превышении пределов необходимой обороны, хотя в ст. 13 «Основ уголовного законодательства» прямо сказано, что необходимая оборона имеет место лишь в том случае, когда обороняющийся причиняет вред непосредственно лицу, осуществляющему общественно опасное посягательство. Естественно, что этот ошибочный приговор был отменен в порядке судебного надзора. При новом рассмотрении дела Исаков был признан виновным в неосторожном причинении тяжкого телесного повреждения (Бюллетень Верховного Суда СССР, 1983, № 3, с. 18).

Особенностью защиты при необходимой обороне является ее активный характер. Защита в таких случаях по существу является контрнаступлением, контрнападением. Только такая оборона представляет надежную гарантию от грозящей опасности.

Важное значение имеет указание пленума Верховного суда СССР о том, что недопустимо требовать от лица, подвергшегося нападению, чтобы он действовал активно только в том случае, если не может спастись бегством, обратиться за помощью к гражданам, представителям власти или избрать какие-либо иные способы защиты, не носящие характера активного противодействия посягавшему. Пленум справедливо осудил такую точку зрения, признал ее ошибочной и порочной, чуждой принципам советской морали и социалистическому правосознанию (См.: Бюллетень Верховного суда СССР, 1984, № 5, с. 9, 10).

3. Защита должна быть своевременной. Она должна совпадать, соответствовать во времени общественно опасному посягательству. «Преждевременная» или «запоздалая» оборона не увязывается с существом самого понятия необходимой обороны. Пределы осуществления права на оборону определяются во времени начальным и конечным моментом самого посягательства.

Однако следует учитывать указание пленума Верховного суда СССР, данное им в п. 5 постановления от 16 августа 1984 года № 14, о том, что «состояние необходимой обороны может иметь место и тогда, когда защита последовала непосредственно за ак-

том хотя и оконченного посягательства, но по обстоятельствам дела для обороняющегося не был ясен момент его окончания».

4. Защита не должна превышать пределов необходимости. Состояние необходимой обороны оправдывает причинение вреда посягающему только в том случае, когда защитительные действия не выходят за пределы необходимой обороны. Превышение этих пределов представляет собой общественно опасное деяние.

В соответствии с ч. 2 ст. 13 «Основ уголовного законодательства» превышение пределов необходимой обороны есть «явное несоответствие защиты характеру и опасности посягательства».

Характер и опасность посягательства определяются значимостью объекта, на который направлено посягательство, способом посягательства, степенью его интенсивности (силой и стремительностью), примененными орудиями и средствами нападения, числом лиц, участвующих в нападении, стадией посягательства (приготовление, покушение, юридически оконченное преступление), размером грозящего ущерба, возможностью довести преступление до конца, временем, местом, всей обстановкой совершения посягательства и т. п.

Превышение пределов необходимой обороны имеет, прежде всего, место в случаях явного (резкого, значительного) несоответствия между угрожаемым вредом и вредом, причиняемым обороной, в случаях резкой несоразмерности между ценностью, важностью, общественным значением интереса защищаемого и интереса, нарушаемого обороной.

Значение условий правомерности необходимой обороны, умение верно ориентироваться в соответствующих ситуациях явится одной из важнейших гарантий реализации конституционных прав и обязанностей граждан по защите от общественно опасных посягательств.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>В. А. Беляков. Опыту — внимание: диалог с читателем . . .</i>	<i>3</i>
<i>Дмитрий и Анатолий Шестаковы. Группа «быстрого реагирования»</i>	<i>11</i>
<i>Леонид Милош. Игра в наперсток и «боевики» рэкета . . .</i>	<i>24</i>
<i>Валютчики</i>	<i>37</i>
<i>Владимир Плотников. Экзамен</i>	<i>49</i>
<i>Юридическая консультация</i>	<i>56</i>

Куда ведут следы / Сост.: В. А. Беляков, М. Е. К88 Скрябин. — Л.: Лениздат, 1988. — 63 с., ил. — (Б-чка «На страже закона»).

ISBN 5-289-00084-4

Брошюра рассказывает о сложной и ответственной работе следователей. Высокое профессиональное мастерство, постоянная связь с трудовыми коллективами, общественностью и гражданами дают возможность следователям, несмотря на различные уловки воров, взяточников, спекулянтов, разоблачать их преступную деятельность. Рассчитана на массового читателя.

К $\frac{1203150000-295}{M171(03)-88}$ 93—88

67.99(2)91

КУДА ВЕДУТ СЛЕДЫ

Составители:

*Виктор Александрович Беляков,
Михаил Евгеньевич Скрябин*

Заведующий редакцией *А. В. Коротнян*
Младший редактор *И. Н. Чугунова*
Художник *В. Г. Гузь*
Художественный редактор *В. А. Баканов*
Технический редактор *И. Г. Сидорова*
Корректор *Н. Н. Фоменко*

ИБ № 4471

Сдано в набор 09.06.88. Подписано к печати 22.08.88. М-31964. Формат 84 × 108/32. Бумага тип. № 2. Гарн. литерат. Печать высокая. Усл. печ. л. 3,36. Усл. кр.-отт. 3,78. Уч.-изд. л. 3,59. Тираж 100 000 экз. Заказ № 566. Цена 20 коп.

Лениздат, 191023, Ленинград, Фонтанка, 59. Типография им. Володарского
Лениздата, 191023, Ленинград, Фонтанка, 57.

БИБЛИОТЕЧКА
«НА СТРАЖЕ
ЗАКОНА»

КУДА ВЕДУТ СЛЕДЫ

В.А. БЕЛЯКОВ

**ОПЫТУ – ВНИМАНИЕ:
ДИАЛОГ С ЧИТАТЕЛЕМ**

ДМИТРИЙ И АНАТОЛИЙ ШЕСТАКОВЫ
ГРУППА “БЫСТРОГО РЕАГИРОВАНИЯ”

ЛЕОНИД МИЛОШ

**ИГРА В НАПЕРСТОК
И “БОЕВИКИ” РЭКЕТА
ВАЛЮТЧИКИ**

ВЛАДИМИР ПЛОТНИКОВ
ЭКЗАМЕН

ЮРИДИЧЕСКАЯ
КОНСУЛЬТАЦИЯ

ЛЕНИЗДАТ-1988

20 коп.